

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ГЛАВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР МВД РОССИИ

ЖУРНАЛ “ЗАКОННОСТЬ”

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

2001

**Ю.М. АНТОНЯН
НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ**

Москва 2001

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политологии и правоведения

Редакционная коллегия серии:

Л.Л.Ананиан – старший научный сотрудник Отдела политологии и правоведения ИНИОН РАН, канд. юрид. наук (ответственный редактор серии, ответственный за выпуск); *Н.Н.Кондрашков* – шеф-редактор журнала “Законность”, канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист РФ (главный редактор); *В.К.Малаховский* – доцент кафедры уголовного права Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ, канд. биол. наук; *В.В.Малаховский* – врач-невропатолог, аспирант Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова; *Н.Н.Мясоедов* – главный специалист Отдела научно-технической информации главного информационного центра МВД России, полковник внутренней службы.

Антонян Ю.М.

Насильственная преступность в России / РАН. ИНИОН и др. – М., 2001. – (Актуал. вопр. борьбы с преступностью в России и за рубежом / Ред. кол. сер.: Ананиан Л.Л. (отв. ред. сер.) и др., 2001 - 104 с.

Анализируются состояние, структура и основные тенденции насильственной преступности в России, приводятся статистические данные многолетних выборочных исследований и примеры из практики научных изысканий автора, высказываются соображения о причинах насильственной преступности и принципиально новые взгляды на личность насильственно-преступника.

Книга рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, юристов-ученых, практиков, работников правоохранительных органов и на широкий круг читателей – всех тех, кто обеспокоен ростом насилия в стране.

In the center of analysis is state, structure and dynamics of violent criminality in Russia, statistics of long period of selective research and datum of the author's investigations, the author's point of view on the roots of violent criminality and completely new vision of personality of violent criminal are given.

Addressed to professors of law, postgraduates and students of law faculties and institutes, scientists, law practitioners and wide public, anxious with violence widespread in Russia.

© ИНИОН РАН, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Общая характеристика насильственной преступности	4
§ 2. Сексуальная преступность	23
§ 3. Насилие – это разрушение	39
§ 4. Насилие как способ решения проблем.....	49
§ 5. Объяснительные возможности типологии в криминологических исследованиях	58
§ 6. Типология насильственных преступников	74
Вместо заключения	94
Список литературы	100

Сведения об авторе

Юрий Миранович Антоян – главный научный сотрудник ВНИИ МВД; доктор юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки России, полковник милиции.

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Поскольку насильственная преступность представляет собой наиболее опасную часть насилия, вполне обоснованно уделять ей особое внимание. Естественно, что этот вид преступности является ярким показателем нравственного здоровья общества и уровня его культуры.

Исследование было сосредоточено на насильственной преступности в целом, на ее количественных и качественных показателях, их соотношении с данными о занятости населения, состоянии его материального обеспечения и другой социальной информацией.

Территория всей страны была разделена на следующие регионы:

Северный и Северо-Западный (Санкт-Петербург, Карелия, Коми республики, Архангельская, Вологодская, Новгородская, Ленинградская, Калининградская, Псковская, Мурманская области);

Московский (Москва, Московская область);

Центральный (Ивановская, Ярославская, Смоленская, Костромская, Тверская, Калужская, Владимирская, Тульская, Рязанская области);

Волго-Вятский (Чувашия, Марий Эл, Татарстан, Мордовия республики, Кировская, Самарская, Нижегородская, Волгоградская, Ульяновская, Саратовская, Астраханская, Пензенская области);

Центрально-Черноземный (Брянская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Орловская, Липецкая, Белгородская области);

Южный (Калмыкия республика, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область);

Северо-Кавказский (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Ингушетия республики);

Уральский (Удмуртия, Башкортостан республики, Курганская Пермская, Тюменская, Челябинская, Оренбургская области);

Западно-Сибирский (Алтай республика, Томская, Омская, Новосибирская, Кемеровская области, Алтайский край);

Восточно-Сибирский (Бурятия, Тыва, Саха (Якутия), Хакасия республики, Красноярский край, Читинская и Иркутская области);

Дальневосточный (Сахалинская, Магаданская, Амурская, Камчатская области, Приморский и Хабаровский края, Еврейская и Чукотская автономные области).

На фоне общих пороков нашей системы учета преступлений наибольшие сомнения в части достоверности по известным причинам вызывают данные о насильственной преступности на Северном Кавказе. Поэтому данные по этому региону мы не учитываем и не будем комментировать. Можно с уверенностью утверждать, что там насильственных преступлений совершается больше (даже, возможно, намного больше), чем регистрируется. Однако другой информации не имеется.

В региональном разрезе данные о преступности изучались по большей части за 1997–1998 гг., в целом по стране – за 11 лет (1988-1998 гг.).

К числу насильственных преступлений были отнесены те, которые предусмотрены ст. ст. 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 126, 129, 130, 131, 132, 133, 161, 162, 163, 167, 209, 213, 214, 226, 229, 244, 245, 313, 318, 319, 321 УК РФ. Насильственными могут быть названы и другие преступления, но они регистрируются очень редко и статистического значения не имеют.

Не представлялось возможным проследить динамику всей насильственной преступности в России за 11 лет, поскольку с 1997 г. начал действовать новый УК РФ. Статьи о многих насильственных преступлениях оказались несопоставимыми. Поэтому за длительный период времени будут представлены данные лишь об убийствах (всех видов), об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (нанесение тяжких телесных повреждений – по УК РСФСР), об изнасилованиях, грабежах, разбоях, хулиганстве, т.е. о наиболее опасных посягательствах на человека.

Основные качественные изменения насильственной преступности за последние 10-12 лет по материалам выборочных исследований выглядят следующим образом.

1. На 10-15% возросло число насильственных преступных посягательств, совершенных с применением холодного и огнестрельного оружия, что главным образом вызвано тремя группами обстоятельств: большей доступностью оружия и ростом ее торговли; значительным повыше-

нием удельного веса организованной преступности; войнами и военными конфликтами на территории России и стран СНГ.

2. Насильственная преступность оказалась напрямую связанной с войной и военными конфликтами в России и странах СНГ, что неизбежно приводит к росту числа таких преступлений, как убийства, причинение тяжкого и иного вреда здоровью, уничтожение имущества, терроризм, преступления против военнопленных, захват заложников и т.д.

Насильственная преступность тесно связана и с активной торговлей оружием, незаконным оборотом наркотиков, наркоманией и нарколизмом, что особенно проявляется в повышении доли преступлений, совершаемых с применением оружия, для овладения наркотическими веществами или в совершении насильственных действий в состоянии наркотического опьянения.

3. В стоимостном выражении резко увеличился объем материальных благ, добываемых с помощью преступного насилия, что в первую очередь определяется развитой системой организованной преступности. Незаконное завладение значительными материальными благами с помощью насилия включает в себя не только разбой, бандитизм, вымогательство и ряд иных корыстно-насильственных преступлений, но и убийства конкурентов, в том числе обладающих политической властью, и совершения в отношении конкурентов террористических актов.

4. За последние 10-12 лет в России сформировался новый, до сих пор не наблюдаемый вид насильственной преступности – террористический. Это не только собственно терроризм и террористические акты, но и значительно более обширная группа весьма опасных насильственных посягательств, отличительной чертой которых является устрашение: захват заложников, незаконное лишение свободы, воздействие на сотрудников правоохранительных органов, свидетелей и потерпевших, угроза убийством, нанесением тяжкого вреда здоровью, уничтожением имущества и т.д.

5. С начала 80-х годов увеличилась серийность сексуальных преступных посягательств (примерно в 2 раза), а с 90-х годов – при разбоях, бандитизме и вымогательстве (примерно в 3 раза). В первую очередь, это объясняется безнаказанностью преступников, слабой эффективностью деятельности правоохранительных органов.

6. Доля насильственных преступлений, особенно убийств, совершаемых с особой жестокостью, возросла на 10%. Отчетливо проявляется тенденция ужесточения преступных действий при совершении изнасилований.

7. Возрос удельный вес насильственных преступлений, совершаемых женщинами и несовершеннолетними. Женщины стали намного чаще прибегать к преступному насилию вне сферы семейно-бытовых отношений. Они активно участвуют в совершении убийств, грабежей, разбоев, вымогательств, бандитизма, иногда даже выступают в роли организаторов таких преступлений. За последние 6 лет более чем в 2 раза выросло число убийств новорожденных матерями.

Удвоилось число несовершеннолетних, прибегающих к насилию при совершении корыстных посягательств.

8. Насилие, в том числе убийство, стало привычным способом решения экономических, политических и даже межличностных интимных проблем. Поэтому появился такой новый вид преступления, как заказное убийство, и такой тип преступника, как наемный убийца (киллер). Насилие охватило те сферы жизни, в которых оно ранее практически никак не проявляло себя, например, в области финансов, промышленности и торговли, т.е. масштабы его применения значительно расширились.

Соответственно разрослось и непроступное насилие, которое еще более активно стало питать преступное.

9. В структуре насильственных преступлений заметно увеличился удельный вес преступлений, совершаемых в корыстных целях и организованными преступниками, однако по-прежнему преобладает преступное насилие на семейно-бытовой почве. Особенно это относится к убийствам.

10. За последние 10 лет существенно выросло число скрытых от учета фактов преступного насилия, в том числе умышленных убийств. Они либо полностью скрыты, либо фиксируются в качестве несчастных случаев, обнаружения трупов с неустановленной причиной смерти и т.д.

В последние 12 лет¹⁾ число убийств выросло почти в 3 раза, тяжкого вреда здоровью (тяжких телесных повреждений) – в 2 раза, грабежей – в 3 раза, разбоев – почти в 5 раз. Число убийств в 1988 г. составило всего 10 572, в 1999 г. – 30 027, тяжкого вреда здоровью – соответственно 26 639 и 47 231, грабежей – 43 822 и 138 973, разбоев – 8118 и 41 138.

---

¹⁾ Все статистические расчеты осуществлены кандидатом юридических наук В.А.Верещагиным за исключением графиков на рис. 6 и 7, которые подготовлены кандидатом технических наук Г.Ф.Коимшиди.

Наибольшее число убийств зарегистрировано в 1994 г. (32 286), тяжкого вреда здоровью – в 1994 г. (67 706), грабежей – в 1993 г. (184 410), разбоев – в 1993 г. (40 180). Таким образом, пик наиболее опасных преступлений приходится на 1993 и 1994 гг.

Динамика изнасилований не укладывается в русло общей тенденции преступного насилия, что в наибольшей степени объясняется специфической природой и механизмами этих сексуальных преступлений и их большей, по сравнению с другими насильственными посягательствами, автономностью от внешних социальных условий. Так, в 1998 г. число изнасилований по сравнению с 1988 г. уменьшилось на 2546 зарегистрированных случая (в 1988 г. – 11 560, в 1998 г. – 9014). Больше всего изнасилований произошло в 1990 г. – 15 010, во все последующие годы их число неизменно снижалось.

Особое место в структуре насильственной преступности всегда занимает хулиганство, поскольку число регистрируемых фактов этого преступления довольно легко поддается произвольной фиксации. Такая практика у нас существовала всегда, и с учетом этого обстоятельства необходимо оценивать данные о хулиганстве за длительный период: с 1988 г. по настоящее время его динамика носит волнообразный характер. В 1988 г. было зарегистрировано 81 684 случая, в 1998 г. – 131 082, пик приходится на 1995 г. – 191 001. За эти 11 лет прирост составил 60%.

Насильственная преступность составляет меньшую часть всей преступности, но ее опасность, как известно, определяется не ее долей. В 1997 г. она составила 25,6% от всей зарегистрированной преступности, в 1998 г. – 25,0%, т.е. каждое четвертое преступление – насильственное. Между тем примерно 70% всех деяний, расцениваемых УК РФ как преступления, относятся к числу насильственных.

Общая картина наиболее распространенных насильственных преступлений представлена в табл. 1.

Таблица 1

Виды преступлений	Г о д ы											
	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	

Убийства	10 572	13 543	15 566	16 122	23 006	29 213	32 286	31 703	29 406	29 285	29 551
Изнасилования	11 560	14 597	15 010	14 073	13 663	14 440	13 956	12 515	10 888	9307	9014
Тяжкие телесные повреждения (тяжкий вред здоровью)	26 639	36 872	40 962	41 195	53 873	66 902	67 706	61 734	53 417	46 131	45 170
Грабежи	43 822	75 220	83 306	101 956	164 895	184 410	148 546	140 597	121 356	112 051	122 366
Разбои	8118	14 551	16 514	18 311	30 407	40 180	37 904	37 651	34 584	34 318	38 513
Хулиганство	81 684	99 881	107 435	106 583	120 889	158 413	190 550	191 001	181 284	129 505	131 082

Причиной вспышки насилия является чрезвычайно высокий уровень тревожности, неуверенности и беспокойства людей, их острые депрессивные переживания. Насилие выступает способом защиты. Опрос населения показал, что оно очень опасается преступного насилия и по степени эффективности борьбы с ним во многом определяет свое отношение к власти.

Значительный интерес представляют данные о распределении насильственных преступлений по регионам страны. В 1997-1998 гг. абсолютным “лидером” был Восточно-Сибирский регион. Рассмотрим коэффициент преступности (на 100 тыс. населения) по регионам за 1997-1999 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Регионы РФ	Коэффициент зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения	Прирост в %

	1997 г.	1998 г.	1999 г.	1997-1999 гг.	1998-1999 гг.
Восточно-Сибирский	634,7	613,0	657,4	3,6	7,2
Уральский	517,3	563,3	632,8	22,3	12,3
Северный и Северо-Западный	493,5	541,3	589,5	19,4	8,9
Западно-Сибирский	484,7	517,7	561,0	15,7	8,4
Дальневосточный	539,8	533,2	547,6	1,4	2,7
Волго-Вятский	386,1	411,2	457,3	18,4	11,2
Центральный	405,2	422,9	453,2	11,9	7,2
Южный	346,3	362,3	376,7	8,8	4,0
Центрально- Черноземный	311,6	317,9	335,7	7,7	5,6
Московский	234,7	253,5	265,9	13,3	4,9
Северо-Кавказский	150,2	163,9	166,7	11,0	1,7
Российская Федера- ция	418,4	441,3	481,1	15,0	9,0

Представление о числе лиц, совершивших преступления, и об абсолютном количестве преступлений за 1997-1999 гг. дают табл. 3 и 4.

Таблица 3

Регионы РФ	Коэффициент выявленных лиц, совершивших преступления на 100 тыс. населения			Прирост в %	
	1	2		3	
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	1997-1999 гг.	1998-1999 гг.
Восточно-Сибирский	448,5	433,8	445,3	-0,7	2,7
1	2		3		
Уральский	360,2	375,7	403,4	12,0	7,4
Западно-Сибирский	347,4	378,4	400,5	15,3	5,8
Дальневосточный	370,7	381,5	394,4	6,4	3,4
Северный и Северо-Западный	309,6	332,5	364,8	17,8	9,7
Центральный	283,7	309,4	320,0	12,8	3,4
Волго-Вятский	274,0	290,5	315,0	14,6	8,4
Центрально- Черноземный	244,2	255,5	261,7	7,2	2,4
Южный	240,7	252,2	256,5	6,6	1,7
Московский	169,1	196,8	199,2	17,9	1,2
Северо-Кавказский	106,5	118,6	127,2	19,4	7,3
Российская Федера- ция	292,6	309,1	327,9	12,1	6,1

Таблица 4

Регионы РФ	Зарегистрировано насильственных преступлений			Прирост в %	
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	1997-1999 гг.	1998-1999 гг.
Уральский	12 196	13 290	15 024	23,2	13,0
Волго-Вятский	96 489	10 255	11 426	18,4	11,4
Восточно-Сибирский	64 369	61 817	67 818	5,4	9,7
Северный и Северо-Западный	72 882	79 509	86 406	18,6	8,7
Западно-Сибирский	57 727	61 559	66 593	15,4	8,2
Центральный	49 141	50 968	54 242	10,4	6,4
Центрально- Черноземный	31 911	32 438	34 126	6,9	5,2
Московский	35 394	38 157	39 994	13,0	4,8
Южный	42 857	44 828	46 532	8,6	3,8
Северо-Кавказский	8293	9063	9250	11,5	2,1
Дальневосточный	34 563	33 752	34 445	-0,3	2,1
Российская Федера- ция	61 559	64 755	70 391	14,3	8,7

Здесь не может не обращать на себя внимание, что во всех регионах на Урале и на востоке от него насильственных преступлений совершается более чем вдвое больше по сравнению с Московским регионом. Показатели коэффициентов насилия на Урале и во всех восточных регионах намного превосходят соответствующие показатели европейской части страны. Вся российская Азия перенасыщена насилием.

Рассмотрим распределение коэффициентов по отдельным видам преступлений в регионах (см. табл. 5).

Таблица 5

Регионы РФ	Коэффициенты по видам насильственных преступлений

	убийство	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	изнасилование	грабеж	разбой	вымогательство	умышленное уничтожение или повреждение имущества	хулиганство	применение насилия в отношении представителя власти
Волго-Вятский	18,5	24,7	45,4	5,8	77,7	23,8	11,4	23,9	104,5	2,86
Восточно-Сибирский	32,1	62,8	83,3	8,0	146,4	37,4	10,4	48,0	90,1	2,9
Дальневосточный	26,5	42,1	72,4	5,4	112,2	29,8	6,1	39,2	73,1	3,8
Западно-Сибирский	23,1	41,7	61,3	6,3	114,1	29,9	8,9	43,3	87,4	3,1
Московский	18,3	19,2	21,4	3,1	41,8	23,3	5,1	15,7	61,2	2,3
Северный и Северо-Западный	19,9	31,8	52,7	5,4	118,7	36,7	13,0	62,9	105,3	3,8
Северо-Кавказский	12,8	9,0	7,9	4,4	23,2	16,1	6,2	6,7	36,2	3,5
Уральский	23,4	42,2	75,4	6,6	144,3	35,3	12,9	29,7	94,5	3,3
Центрально-Черноземный	13,2	21,8	36,5	5,6	47,1	16,0	6,2	18,6	82,4	2,3
Центральный	19,7	32,8	52,4	5,0	84,2	28,0	10,2	23,1	86,8	2,9
Южный	16,4	22,5	31,1	5,1	60,1	18,5	7,9	36,7	60,8	2,4
Российская Федерация	20,5	32,2	51,2	5,6	93,4	27,8	9,8	32,0	85,9	3,0

Как мы видим, Восточно-Сибирский регион занимает первое место по числу убийств, причинению тяжкого вреда здоровью, угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, грабежей и изнасилований на 100 тыс. населения, второе – по числу разбоев, третье – по числу хулиганств и четвертое – по числу вымогательств.

Коэффициент преступности – наиболее точный показатель криминального неблагополучия. По этому показателю Восточно-Сибирский регион должен быть особо отмечен. В этой связи рассмотрим структуру коэффициентов преступного насилия по отдельным административным единицам этого региона (см. табл. 6).

Таблица 6

Восточно-Сибирский регион	Коэффициент зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения			Прирост в %	
	1997	1998	1999	1997-1999 гг.	1998-1999 гг.
Республика Бурятия	830,1	799,6	814,1	-1,9	1,8
Иркутская обл.	629,5	728,6	795,1	14,8	9,1
Республика Тыва	755,0	738,1	768,6	4,2	6,6
Читинская обл.	589,3	595,1	622,6	5,6	4,6
Красноярский край	639,3	535,7	568,6	-11,1	6,1
Республика Хакасия	445,6	486,8	507,4	13,9	4,2
Республика Саха (Якутия)	393,2	398,1	467,6	18,9	17,4
Восточно-Сибирский регион	634,7	613,0	657,4	3,6	7,2

Бурятия в своем регионе – “лидер”, причем бесспорный; число насильственных преступлений в этой республике на единицу населения примерно вдвое превосходит аналогичный показатель в Саха (Якутии). Уровень насилия в каждой из первых трех административных единиц, кроме Иркутской области в 1997 г., намного превосходит коэффициент насилия и в самом Восточно-Сибирском регионе, и во всех остальных регионах России.

Теперь для сравнения рассмотрим данные о коэффициентах преступного насилия по “лидирующим” административным единицам всех регионов России (см. табл. 7).

Таблица 7

Регионы РФ	Республики и области с максимальным числом выявленных лиц на 100 тыс. населения	Коэффициент зарегистрированных преступлений	Прирост в %	
			1999 г.	1997-1999 гг. / 1998-1999 гг.
Уральский	Курганская обл.	1156,0	63,2	23,5

Северный и Северо-Западный	Вологодская обл.	835,4	43,9	13,7
Восточно-Сибирский	Республика Бурятия	814,1	-1,9	1,8
Центральный	Ивановская обл.	667,2	28,6	12,5
Дальневосточный	Хабаровский край	664,6	13,6	9,9
Волго-Вятский	Республика Чувашия	645,7	33,6	9,5
Западно-Сибирский	Томская обл.	638,0	-4,8	-3,0
Центрально-Черноземный	Брянская обл.	514,7	16,3	2,2
Северо-Кавказский	Республика Адыгея	395,7	32,9	-3,7
Южный	Ростовская обл.	392,6	1,8	3,3
Московский	Московская обл.	345,0	13,3	1,5
Российская Федерация		481,1	15,0	9,0

Три первые административные единицы по числу совершенных там насильственных преступлений на 100 тыс. населения намного превосходят остальные районы. Так, в Курганской области фактов преступного насилия на единицу населения зарегистрировано более чем в 3 раза больше, чем в Московской. Согласно статистике, ни одна республика или область, ни один край в России не может по этому показателю сравниться с Курганской областью.

Относительно коэффициентов выявленных лиц в регионах, криминальная ситуация выглядит следующим образом (см. табл. 8).

Таблица 8

Регионы РФ	Республики и области с максимальным числом выявленных лиц на 100 тыс. населения	Коэффициент выявленных лиц	Прирост в %	
			1999 г.	1997-1999 гг.
Уральский	Курганская обл.	638,8	33,4	5,8
Восточно-Сибирский	Республика Бурятия	584,8	-2,1	1,8

Северный и Северо-Западный	Вологодская обл.	550,2	33,5	9,3
Дальневосточный	Хабаровский край	537,7	24,0	11,3
Западно-Сибирский	Томская обл.	497,4	-1,3	-2,6
Центрально-Черноземный	Брянская обл.	431,9	20,3	1,1
Волго-Вятский	Республика Татарстан	415,4	13,7	14,4
Центральный	Ивановская обл.	411,0	20,0	7,8
Южный	Республика Калмыкия	279,7	-7,3	-5,6
Северо-Кавказский	Республика Адыгея	254,4	26,8	-3,5
Московский	Московская обл.	230,3	8,8	-2,1
Российская Федерация		327,9	12,1	6,1

Представляет несомненный интерес информация о распределении коэффициентов наиболее опасных преступлений против личности по тем административным единицам страны, которые “опережают” другие в том же регионе по уровню данного вида преступлений. Относительно убийств складывается такая картина (см. табл. 9).

Таблица 9

Регионы РФ	Республики и области с максимальным числом убийств на 100 тыс. населения	Коэффициент зарегистрированных преступлений	Прирост в %	
			1999 г.	1997-1999 гг. 1998-1999 гг.
Восточно-Сибирский	Республика Тыва	66,3	-1,3	13,5
Западно-Сибирский	Кемеровская обл.	33,4	-4,9	2,0

Дальневосточный	Хабаровский край	33,2	5,0	-0,4
Уральский	Пермская обл.	29,0	-0,1	7,8
Южный	Республика Калмыкия	26,3	6,9	-8,5
Волго-Вятский	Республика Марий-Эл	26,0	85,9	43,8
Северный и Северо-Западный	Ленинградская обл.	24,9	2,6	9,2
Московский	Московская обл.	24,1	1,7	10,7
Центральный	Ивановская обл.	23,6	50,9	28,6
Северо-Кавказский	Республика Северная Осетия	22,0	-3,8	-1,5
Центрально-Черноземный	Брянская обл.	15,2	-4,4	0,6
Российская Федерация		20,5	6,8	5,4

Наиболее высокий уровень убийств наблюдается в Сибири, причем коэффициент убийств в Республике Тыва в 3,2 раза превышает общероссийский уровень этого вида преступлений.

Относительно умышленного причинения тяжкого вреда здоровью можно представить по административным единицам следующие коэффициенты (см. табл. 10).

Таблица 10

Регионы РФ	Республики и области с максимальным числом причинений тяжкого вреда здоровью на 100 тыс. населения	Коэффициент зарегистрированных преступлений	Прирост в %	
			1999 г.	1997-1999 гг.
Восточно-Сибирский	Республика Тува	181,5	8,5	11,3
Уральский	Пермская обл.	61,4	11,2	6,9

Западно-Сибирский	Кемеровская обл.	61,3	4,4	4,6
Дальневосточный	Еврейская АО	56,7	-1,1	8,8
Северный и Северо-Западный	Вологодская обл.	43,9	5,0	8,6
Центральный	Ярославская обл.	40,9	18,7	15,2
Волго-Вятский	Республика Марий-Эл	36,1	28,5	17,3
Московский	Московская обл.	28,4	8,6	6,7
Южный	Республика Калмыкия	24,4	4,6	18,8
Центрально-Черноземный	Брянская обл.	23,8	-5,1	-4,4
Северо-Кавказский	Республика Адыгея	19,1	10,3	-2,1
Российская Федерация		32,3	3,9	5,9

И по этому виду преступлений Тыва занимает ведущее место, опережая следующие по распространенности умышленного нанесения тяжкого вреда здоровью административные единицы – Пермскую и Кемеровскую области – почти в 3 раза, а по сравнению с общероссийским уровнем этого показателя – более чем в 5 раз.

Несколько иная картина складывается применительно к такому преступлению, как изнасилование (см. табл. 11).

Таблица 11

Регионы РФ	Республики и области с максимальным числом изнасилований на 100 тыс. населения	Коэффициент зарегистрированных преступлений	Прирост в %	
			1999 г.	1997-1999 гг.
Восточно-Сибирский	Республика Тыва	30,3	-2,4	12,9
Уральский	Республика Удмуртия	12,4	1,6	-16,1

Дальневосточный	Магаданская обл.	11,8	16,7	2,4
Волго-Вятский	Республика Мордовия	10,8	-0,6	28,7
Западно-Сибирский	Республика Алтай	9,8	-20,8	-31,5
Северо-Кавказский	Республика Адыгея	9,6	19,5	38,9
Северный и Северо-Западный	Вологодская обл.	8,6	38,5	6,0
Центрально- Черноземный	Курская обл.	7,8	-7,8	-17,7
Южный	Республика Калмыкия	7,6	-29,1	-17,0
Центральный	Ярославская обл.	7,3	4,2	0,6
Московский	Московская обл.	4,3	-14,3	16,6
Российская Федерация		5,6	-10,1	-7,3

Таким образом, именно в Республике Тыва совершается больше всего изнасилований, если соотносить их с количеством населения. Коэффициенты по убийствам, причинению тяжкого вреда здоровью и изнасилованиям за 1999 г. наиболее неблагоприятные в Республике Тыва, а в регионе по общему числу насильственных преступлений на единицу населения ее опережает Республика Бурятия.

Рассмотрим распределение удельного веса отдельных видов преступного насилия и всех насильственных преступлений по регионам Российской Федерации (см. табл. 12).

Таблица 12

Регионы РФ	Удельный вес по видам насильственных преступлений

	убийство	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	изнасилование	грабёж	разбой	вымогательство	умышленное уничтожение или повреждение имущества	хулиганство	применение насилия в отношении представителя власти
Волго-Вятский	15,4	13,1	15,2	17,6	14,2	14,6	20,0	12,7	20,8	16,0
Восточно-Сибирский	11,0	13,7	11,5	10,1	11,1	9,5	7,5	10,6	7,4	6,8
Дальневосточный	5,6	5,6	6,1	4,1	5,2	4,6	2,7	5,4	3,7	5,4
Западно-Сибирский	9,1	10,5	9,7	9,0	9,9	8,7	7,4	11,0	8,3	8,4
Московский	9,2	6,1	4,3	5,6	4,6	8,6	5,3	5,1	7,3	7,8
Северный и Северо-Западный	9,7	9,9	10,3	9,6	12,7	13,2	13,3	19,7	12,3	12,8
Северо-Кавказский	2,4	1,1	0,6	3,0	0,9	2,2	2,4	0,8	1,6	4,5
Уральский	18,5	21,2	23,9	19,1	25,1	20,6	21,5	15,1	17,8	18,1
Центрально-Черноземный	4,5	4,7	5,0	7,0	3,5	4,0	4,4	4,0	6,7	5,3
Центральный	7,9	8,3	8,4	7,2	7,4	8,2	8,5	5,9	8,3	8,0
Южный	6,8	5,9	5,1	7,6	5,4	5,6	6,9	9,7	6,0	6,9
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

По удельному весу наиболее опасных и распространенных преступлений против человека (среди всех насильственных преступлений) в большинстве случаев впереди Уральский регион.

Общее представление о динамике и структуре насильственных преступлений дают следующие графики (см. рис. 1 и рис. 2).

Рис. 1. Динамика доли основных видов преступлений, связанных с насилием, в структуре всей преступности.

Рис. 2. Динамика и структура основных преступлений, связанных с насилием.

Высокий уровень насилия в сибирских регионах и на Урале может быть связан с рядом объективных причин:

1) более низким по сравнению с европейской частью уровнем общей культуры населения, традиционно более высокой долей людей, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности;

2) более низким уровнем материального обеспечения населения – в азиатской части более высокий уровень неработающего населения. Так, число безработных на одно заявленное рабочее место по регионам страны в 1998 г. выглядит следующим образом (см. табл. 13).

Таблица 13

Регионы РФ	Число безработных на одно заявленное рабочее место
Северный и Северо-Западный	20,0
Восточно-Сибирский	19,4
Дальневосточный	10,5
Уральский	7,9
Западно-Сибирский	6,9
Волго-Вятский	7,6
Центрально-Черноземный	5,4
Южный	3,8
Центральный	2,7
Московский	0,7
Северо-Кавказский	6,7
Российская Федерация	6,0

Из приведенных данных следует, что больше всего безработных в наиболее “холодных” регионах: Северном и Северо-Западном, Восточно-Сибирском, Дальневосточном, Уральском. В Восточно-Сибирском регионе число безработных на одно заявленное рабочее место превышает соответствующий показатель в Московском регионе практически в 27,7 раз, а в среднем по России – более чем в 3 раза.

В восточной части страны больше убыточных предприятий: в Восточно-Сибирском регионе их удельный вес составил 60,4%, в Дальневосточном – 59,1, в Московском же – 30,0, в Центральном – 45,0, в Южном – 54,3, в Волго-Вятском – 52,7%.

В Восточно-Сибирском регионе и самые низкие показатели обеспечения жильем (на одного человека) по сравнению с любым другим регионом России – 17 кв.м. Примерно также обеспечиваются жильем другие жители Сибири и Урала: Уральский – 17,7 кв. м.; Дальневосточный – 17,4; Западно-Сибирский – 17,7 кв. м.

В других регионах страны обеспеченность жильем существенно выше: Северный и Северо-Западный – 19,6 кв. м.; Центрально-Черноземный – 20,1; Центральный – 20,3; Московский – 20,7 кв. м.

Еще один очень важный показатель материального неблагополучия народов Сибири, оказывающий влияние на уровень криминогенности в регионах, – удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (см. табл. 14).

Таблица 14

Регионы РФ	Удельный вес населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума

Восточно-Сибирский	33,8
Западно-Сибирский	31,2
Дальневосточный	27,0
Южный	25,8
Волго-Вятский	25,3
Уральский	22,7
Северный и Северо-Западный	22,6
Центральный	21,7
Центрально-Черноземный	21,2
Московский	20,2
Российская Федерация	24,3

Этот удельный вес во всех регионах Сибири и Дальнего Востока превышает общероссийский.

§ 2. СЕКСУАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Сексуальная преступность, насильственная в частности, обычно не привлекает к себе особого внимания за исключением тех из ряда вон выходящих случаев, когда обнаруживается серия жестоких убийств на сексуальной почве. Между тем борьба с сексуальными преступными посягательствами актуальна для каждой страны, их специфику и значимость можно свести к следующему:

– сексуальные преступления вызывают у жертв самые тяжкие переживания, последствия которых могут сохраниться на всю жизнь, влияя на самоприятие и мироощущение, на отношения с другими людьми, в том числе, что особенно важно, с представителями противоположного пола, на семейные отношения. Такие посягательства, вызывая глубокие душевные травмы, способны привести к самоубийствам, в других случаях – к опасным соматическим и психическим заболеваниям.

Ущерб особенно велик, если жертвами становятся дети и подростки;

– по сексуальным мотивам совершается значительное число убийств, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания и другие преступления против личности. Как показывает горькая российская действительность, жертвы сексуальных убийств иногда исчисляются сотнями;

– сексуальные мотивы могут лежать в основе стимуляции и таких, казалось бы, весьма далеких от сексуальной жизни людей поступков, как разбой, вымогательство, терроризм, когда нападения сопровождаются убийством женщин или нанесением им увечий, поскольку женщина выступает в качестве символической фигуры, отвергающей данного мужчину, чем наносит ему сильнейшую психологическую травму. Конкретные исследования показывают также, что сексуальные переживания ак-

тивно способствуют хищениям и взяточничеству: полученные таким способом дополнительные средства позволяют надеяться на достижение успеха в отношениях с лицами противоположного пола.

Многие расхитители и взяточники практически все время находятся на работе, которой они всецело преданы. Изучение показало, что немалая часть из них испытывает сексуальные неудачи в семье, и постоянное пребывание на работе является для них способом ухода от психотравмирующей сексуальной ситуации в отношениях с семьей. Погруженные в трудовую деятельность, они принимают все ее условия, в том числе связанные со злоупотреблениями, хищениями и т.д.;

– сексуальная преступность отличается немалой латентностью, поскольку о соответствующих деяниях потерпевшие и их близкие не сообщают, так как считают, что происшедшее с ними задевает их честь и достоинство, и вполне оправданно стремятся избежать огласки. Велика латентность сексуальной преступности в семье, которая обычно оберегает свое спокойствие и неприкосновенность, страшится разрушения и даже потери кормильца, поскольку педофильные действия чаще совершают отцы, отчимы и сожители.

Сексуальная преступность обладает еще одной чертой, которой нет ни у одного другого вида преступности, во всяком случае, она не выражена у них столь явно: уровень и характер сексуальных преступлений относительно слабо связаны с внешними социальными условиями. Но, конечно, последние не могут не оказывать влияние на совершение и таких преступлений, например, способствуя им, если неэффективно работают правоохранительные органы.

Специфика сексуальной преступности проявляется и в том, что из числа наиболее опасных видов преступности она является единственной, в которой наблюдается положительная динамика – неуклонное снижение числа преступлений. Так, изнасилований в 1995 г. было совершено 13 322, покушений на изнасилования – 2159, а в 1999 г. – соответственно 7314 и 1032, т.е. количество названных преступлений за 5 лет уменьшилось вдвое. В 1995 г. развратных действий было зафиксировано 2643, в 1999 г. – всего 884. Разумеется, снижение числа зарегистрированных сексуальных преступлений не может продолжаться вечно и достигнуть нулевой отметки. Однако сам факт такой динамики нуждается в объяснении. По всей вероятности, мы наблюдаем не столько действительное снижение числа половых посягательств, а изменение практики реагирования на них и их регистрации. Скорее всего, правоохранительные органы попросту отмахиваются от регистрации многих по-

добных правонарушений, не желая уделять их расследованию и без того скудные силы и средства. Кроме того, за последнее десятилетие появилось больше возможностей, чем раньше, влиять на потерпевших, запугивая или подкупая их. В ближайшие годы нужно ожидать роста сексуальных преступлений, скорее всего, постепенного.

Весьма специфична причина насильственного сексуального преступного поведения. Но прежде чем перейти к анализу этой сложнейшей проблемы, следует отметить следующее.

В большинстве крупных стран особое внимание привлекают сексуальные убийства, сопряженные с изнасилованиями или покушениями на изнасилование. Сексуальные убийцы в большинстве случаев совершают не одно, а несколько, “серию” убийств, они как охотники выслеживают жертву, внезапно нападая на нее, насилуют, наносят множество телесных повреждений, с исключительным неистовством, вспарывают грудь и живот, выворачивают внутренности, совершают надругательство над половыми органами, отрезают отдельные куски тела и т.д. Установлены факты каннибализма, съедания отдельных частей тела потерпевших. Эти злодеяния поражают своей необычностью, чудовищной жестокостью и цинизмом убийц, количеством жертв, среди которых немало детей и подростков.

Чтобы нагляднее представить характер и масштабы “серийных” сексуальных убийств, приведем следующие выборочные данные, полученные в результате изучения 108 человек, повинных в совершении названных преступлений. Ими было совершено 359 убийств, 96 покушений на убийство, 361 изнасилование, 84 покушения на изнасилование, 36 актов мужеложства. Их жертвами стали 463 человека, т.е. на одного преступника приходится более четырех потерпевших.

Разумеется, предупреждение и расследование такого рода преступлений представляют собой значительную сложность, что, в первую очередь, определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, экстраординарностью самих действий и т.д. Во-вторых, как правило, непонятна мотивация этих деяний, т.е. их внутренний смысл, субъективные движущие механизмы, личность преступника в целом. Выявить эти факторы можно только с помощью специального психологического анализа.

Сексуальные “серийные” убийства обладают общими характерными чертами, которые всегда связаны с интимной жизнью виновного, его психотравмирующими сексуальными переживаниями, его ощущениями своей сексуальной недостаточности, ущербности, что и позволяет называть подобные убийства сексуальными. В жизни каждого такого убийцы

были серьезные провалы в половой жизни, а у подавляющего большинства – подлинные катастрофы, т.е. они не состоялись как мужчины. Так, Чикатило был импотентом, Головкин (убивший 12 мальчиков и подростков) и Ершов (зарубивший топором 4 женщин) – девственниками, убийца-людоед Джумагалиев испытывал отвращение к половому акту и т.д. Одним словом, почти все серийные сексуальные убийцы были сексуальными неудачниками либо ощущали себя таковыми.

Подобные преступники обладают весьма схожими психологическими особенностями, для них типичны определенные мотивы преступного поведения, в их жизни, как правило, имеют место одинаковые факты, оказавшие огромное влияние на их поведение.

Не ставя здесь перед собой задачи обстоятельного анализа мотивов анализируемых преступлений, представляется целесообразным высказать некоторые общие соображения по поводу субъективных стимулов “серийных” сексуальных убийств, которые определяют их особенности.

Во-первых, сексуальные посягательства на женщин, сопровождаемые проявлениями особой жестокости, определяются не столько половыми потребностями преступников, сколько необходимостью решения своих личностных проблем, в основе которых лежит бессознательное ощущение зависимости от женщин. При этом, как и в других сходных случаях, имеется в виду не конкретное лицо, а женщина вообще, женщина как символ.

Во-вторых, социальное или биологическое отвержение женщиной, которого, кстати, на самом деле может и не быть, порождает страх утратить свою социальную и биологическую определенность, соответствующий статус, место в жизни, т.е. фактически быть уничтоженным. Преступник не может принять себя в качестве отвергнутого женщиной. Насилуя и убивая потерпевшую, т.е. полностью господствуя над ней, он в собственных глазах подтверждает свое право на существование. Следовательно, здесь действует мотив самоутверждения, обладающий огромной стимулирующей силой.

В-третьих, нападения на подростков и особенно на детей детерминируются бессознательными мотивами снятия или подавления тяжелых психотравмирующих переживаний собственного детства, связанных с унижениями, перенесенными в основном от родителей. Избрание сексуального способа преступного посягательства определяется тем, что у данного человека сексуальные отношения вызывают наибольшие затруднения. Эти затруднения, переплетаясь с нежелательными образами детства,

мощно стимулируют указанные тяжкие посягательства. В названных случаях ребенок или подросток также выступает в качестве символа.

В-четвертых, сексуальные убийцы, особенно те, которые получают половое удовлетворение от самого убийства, которые как бы мстят женщинам за нанесенные им обиды, относятся к некрофильным личностям. Это те, которых страстно влечет к смерти и разрушению, которые видят в убийстве единственный выход из своей жизненной ситуации.

Исследуя причины насильственных сексуальных преступлений, необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев такие преступления есть разновидность отношений между мужчиной и женщиной. Следовательно, они связаны с проблемами жизни и смерти, т.е. имеют бытийное значение. Поэтому причины названных действий следует искать в контексте объяснения, почему контакт или связь с женщиной либо признание с ее стороны настолько значимы для мужчины, что он применяет насилие, в том числе для овладения ею, а нередко затем и убивает ее, иногда с особой жестокостью, причиняя неимоверные страдания и мучения. Другая не менее сложная тайна – почему жертвами сексуального, как правило, мужского насилия становятся дети – девочки и мальчики, пожилые, даже очень старые, женщины, почему женщины, особенно молодые принимают активное участие в совершении изнасилований представительниц того же пола. Причем, совершая такие действия, человек обычно теряет свое человеческое обличье, с облегчением сбрасывает с себя покровы цивилизации, рвет ее узы, с упоением или яростью отдаваясь инстинктам и влечениям, преступая все мыслимые запреты.

Любое криминологическое научное исследование неизбежно должно решить главную проблему – природы и причин данного вида преступного поведения. Такая проблема возникает при попытке объяснения и сексуального насилия. Поэтому в первую очередь должны интересоваться его мотивы, весь комплекс субъективных факторов, запускающий в действие весь этот вид насилия.

Прежде всего следует признать, что в подавляющем большинстве случаев сексуальное насилие детерминируется не просто физиологическими потребностями, а гораздо более сложной совокупностью мотивов. Они находятся друг с другом в различном иерархическом взаимодействии. Вместе с тем ни в коем случае нельзя отрицать криминогенное значение внешних факторов, в частности, недостатков в воспитательной работе, в том числе и в половом воспитании, роль пьянства, циничных, примитивных взглядов на межполовые отношения и других негативных явлений. Эти явления должны быть объектом предупредительного воз-

действия, но их следует адекватно оценивать, рассматривая не в качестве причин, а в качестве условий, способствующих совершению изнасилований.

Не следует игнорировать и то, что многие насильники рассматривают женщин как низших существ, с желаниями которых можно не считаться и которые чуть ли не обязаны делать то, что пожелает данный мужчина. Немало и тех, кто сводит отношения полов к простым физиологическим актам. Не вызывает сомнений, что у насильников не сформировано представление о ценности женщины, ее свободы, достоинства, половой неприкосновенности. Именно об этом и свидетельствуют совершаемые ими насильственные действия, да и сами насильники подчас не скрывают своего недоброжелательного, циничного отношения к женщине. Но это не освобождает исследователей от обязанности понять, в силу каких психологических стимулов и механизмов подобные установки реализуются в изнасилованиях. Поэтому вновь возникает вопрос: почему далеко не все те, кто отводит женщинам столь унижительную роль, кто выхолащивает из межполовых отношений чувства любви, симпатии, взаимного расположения, доверия, наконец, сексуального принятия и т.д., совершают столь тяжкие преступления?

Сказанное относится и к случаям совершения изнасилований лицами, чьи преступные действия связаны (в той или иной мере) с длительной сексуальной депривацией, т.е. невозможностью удовлетворения потребности в течении долгого времени. К ним в первую очередь относятся солдаты срочной службы и те, кто недавно демобилизован из армии, а также лица, освобожденные из мест лишения свободы. Изучение этого вопроса показало, что таких лиц среди насильников незначительная часть. Основную массу подобных преступлений совершают лица, которые имели постоянную возможность удовлетворять половую потребность. Более того, как мы уже отмечали, многие из них были женаты.

Поэтому мы полагаем, что регулярная половая жизнь женатых мужчин отнюдь не гарантирует того, что они не будут совершать изнасилований. Можно предположить, что семейный фактор играет криминогенную роль, но совершенно в другом аспекте, а именно: неприязненные внутрисемейные отношения, постоянные бытовые неурядицы, конфликты, скандалы способствуют сексуальному отчуждению супругов и как бы выталкивают мужа на улицу, ставя его перед необходимостью поиска новых объектов интимного общения и новых (далеко не всегда правомерных) форм сексуальной близости.

Однако и такая цепочка причинно-следственных зависимостей представляется некоторым упрощением чрезвычайно сложной проблемы связи сексуальных отношений и иных отношений супругов и насильственных посягательств на половую неприкосновенность других женщин. Эта схема все-таки имеет чисто описательный характер, ориентирована на внешне оцениваемую последовательность явлений без вскрытия их внутренней содержательной связи. К тому же непонятно, почему лица, семейные отношения которых вполне благополучны, совершают такие тяжкие преступления. В этих случаях указанная связь может отсутствовать либо носить глубоко скрытый характер, особенно тогда, когда семейная ситуация насильника со стороны выглядит достаточно благоприятной.

Можно предположить, что причины изнасилований связаны с субкультурой некоторых социальных групп. Наиболее криминогенны те сексуальные нормы, которые влекут за собой отсутствие духовной близости между сексуальными партнерами, пренебрежительное отношение к женщине и понуждение ее к интимной близости. Между тем сексуальные нормы, допускающие насилие, не имеют широкого распространения. Криминогенной значимостью чаще обладают нормы (о взаимоотношении полов), связанные с менее выраженными формами проявления неуважения к личности женщины. Антиобщественный заряд большинства негативных сексуальных норм состоит не в том, что они допускают прямое насилие над женщиной. Изнасилование чаще всего является нарушением большинства таких норм, свойственных конкретной субкультуре.

Криминологическое значение может иметь тот факт, что сексуальная культура каких-то групп готовит почву для совершения изнасилования допущением, например, открытости интимных связей. Шаг в сторону применения насилия от нее короче, нежели от сексуальной субкультуры, налагающей табу на гласность в области интимных отношений. Однако следование нравственным предписаниям в одной социальной группе отнюдь не означает, что представители этой группы будут соблюдать их в контактах с представителями другой общности. Так, в Англии в XIX в. мужчины из средних и высших слоев руководствовались господствовавшими там пуританскими правилами при общении с женщинами своего круга, но могли игнорировать указанные нормы, когда вступали в интимные контакты с представительницами иных социальных слоев. Впрочем, такое встречалось и встречается не только в Англии.

Изнасилования во многих случаях являются воплощением в жизнь представлений о допустимости принуждения к интимной близости с

женщиной, которая согласилась распивать спиртные напитки наедине с мужчиной. В других ситуациях эти же мужчины не совершают посягательства на половую неприкосновенность женщины. Этот пример показывает, что конкретная сексуальная субкультура не носит тотального негативного характера и каждый ее представитель действует индивидуально. Другой важный момент – живучесть негативных сексуальных норм определяется не только социальной памятью, но и возможностью их реализации в поведении конкретного человека. Причем они сильнее закрепляются тогда, когда основанное на них поведение позволяет достичь поставленных целей, а санкции за проявленное в той или иной форме неуважение к женщине не следуют.

Если сексуальная субкультура допускает в каких-то интимных обстоятельствах проявление мужчиной неуважения к женщине, то это может означать, что она же содержит нормы, прививающие женщине представление о допустимости такого отношения к ней. Более того, все другие лица, придерживающиеся той же субкультуры, рассматривают такое сексуальное поведение как непорицаемое. Имея это в виду, изнасилование, совершаемое на почве совместного времяпрепровождения мужчины и женщины или в иных ситуациях, можно рассматривать как использование виновным каких-то негативных сексуальных представлений, присущих потерпевшей и ее ближайшему социальному окружению, или как его ошибку в первоначальной оценке сексуального кредо женщины.

Этот уровень объяснения причин изнасилования – преимущественно социально-психологический, основанный на этических ориентациях и ценностях отдельных социальных групп. Социально-психологический подход достаточно конструктивно объясняет совершение многих насильственных сексуальных посягательств. Однако только социально-психологическое объяснение причин изнасилований (как и других преступлений) не способно раскрыть причины всех таких преступлений, и в этом его недостаточность. Например, оно не может быть полным для понимания внезапных, “ночных” нападений на незнакомых женщин, изнасилований малолетних девочек и женщин преклонного возраста. Отметим в этой связи, что сексуальные посягательства на малолетних девочек и женщин преклонного возраста порицаются всеми сексуальными субкультурами. В то же время не подлежит сомнению, что любой насильник придерживается каких-то взглядов в области сексуального поведения и является носителем определенных представлений в этой области, присущих его социальной группе.

Сексуальные проблемы имеют бытийный характер, отражают наиболее актуальные потребности людей, их глубинные и интимные основы жизни, причем в таком качестве названные проблемы обычно не осознаются, а еще реже рефлексированы в сознании причины подобных поступков. В итоге, вызывая самую острую общественную реакцию, они становятся еще больше запутанными.

Понять сексуальных насильственных преступников и их поступки можно только проникнув во внутренний мир этих людей, в то, что составляет основу их бытия и мироощущения. Такое проникновение позволит отбросить не основанное на опыте, но распространенное в отечественной науке мнение, что многие преступления, в том числе сексуальные, совершаются случайно и случайными людьми. Конкретные же исследования “живых” преступников, а не “мертвых” уголовных дел или данных статистики, убеждают в том, что нет случайных преступлений и случайных преступников, а преступное поведение внутренне закономерно и даже целесообразно для данного лица. Образно говоря, преступление – это необходимый выбор. Более того, реализуя такое поведение, преступник всегда выигрывает в психологическом плане, что особенно заметно при анализе половых преступлений, поскольку при их совершении имеет место попытка компенсации индивидуально-психологических дефектов личности. Именно эти дефекты, определяя особенности сексуальной преступности, детерминируют применение насилия, а не иного способа разрешения субъективно воспринимаемой и оцениваемой собственной жизненной ситуации.

Поэтому можно сказать, что внутренние причины насильственных сексуальных посягательств связаны с особенностями представления преступника о самом себе, с “Я”-концепцией, самопритием, а также с потребностью получения максимума удовлетворения и тем самым подтверждения (и утверждения) своей личности. Дело в том, что сексуальное насилие и совращение детей наряду с умышленным убийством и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью составляют группу таких поступков, которые посягают на сами основы человеческого существования и сосуществования. Поэтому названные посягательства вызывают наибольшее осуждение общества, и для их оправдания и самооправдания труднее всего, а в некоторых случаях и невозможно, найти аргументы. Вот почему достаточно обосновано предположение, что виновному крайне, во что бы то ни стало, нужно было их совершить и только в этом случае он получал тот огромный психологический выигрыш, о котором мы упомянули выше. Выигрыш действительно должен быть огромен, иметь

поистине бытийное значение, чтобы человек мог решиться на соответствующее действие.

Столь острая нужда в сексуальном посягательстве, как ни парадоксально, чаще всего не осознается. Более того, она принципиально неосознаваема личностью, так же как, например, собственная психологическая структура. Следует особенно подчеркнуть, что нужда, потребность, тем более острая, всегда отражает существенную зависимость от чего-то, что имеет жизненно важное значение, и чем жестче эта зависимость, тем выше вероятность, неотвратимость совершения определенных действий, в нашем случае – преступных. Но осознавать подобную зависимость, тем более лежащую в плоскости глубоко интимных переживаний сексуальных влечений, почти всегда очень травматично для субъекта, и в этом он редко признается даже самому себе. По этой причине она им вытесняется.

Человек совершает сексуальные преступления в том случае, если не принимает себя таким, каким себе представляется. Неприятие, прежде всего, проявляется в определенном эмоционально негативном отношении к самому себе, к собственному поведению, своему биологическому и социальному статусу. Но иногда (это характерно для совершивших изнасилования) человек, как ему кажется, примет себя при некоторых специфических условиях, являющихся порождением его “Я”-концепции. Например, самопрятие может быть достигнуто, если повышен или сохранен его статус в неформальной группе, преодолено, в психологическом аспекте прежде всего, доминирование противоположного пола, либо осуществилось самоутверждение в мужской роли, которое, естественно, трактуется крайне субъективно и иначе просто не может быть. Утверждение и самоутверждение в мужской роли как раз и имеет бытийное значение для личности. Если она не сможет это сделать, будут подвергнуты сомнению основы ее существования, ее самопрятие.

В иных случаях в основе преступного сексуального поведения лежит не стремление к изменению собственного представления о себе и тем самым повышение самопрятия, а чисто защитные задачи. Изнасилование в этом случае служит формой защиты имеющегося представления о себе и самопрятия от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самопрятию и оценке себя в мужской роли. При этом важно отметить, что поведение женщины объективно внешне может и не быть таковым. Более того, она может и не подозревать об этом. Представление

насильственного преступника о себе строится на том, каким он представляет себя в глазах женщины.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, относящееся к большинству насильственных сексуальных преступлений и имеющее значение для понимания их специфики: межполовые отношения лишь в силу определенных личностных дефектов, особенно связанных с прожитой жизнью и приобретенным опытом, становятся субъективно наиболее значимыми, т.е. приобретают бытийный характер. Поэтому такие отношения переживаются наиболее остро, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную чувствительность, т.е. чувствительность, восприимчивость к любым элементам в сфере контактов между мужчиной и женщиной. Предпринимая сексуальное насилие, виновный решает самую главную для себя задачу, поскольку подтверждает право на свое существование, бытие в собственных глазах в первую очередь, ибо его бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере, на признании себя в этой сфере.

Представляется, что именно в этом можно найти объяснение, хотя бы частичное, причин “серии” тяжких сексуальных преступлений, многие из которых заканчиваются убийствами потерпевших, а также многоэпизодных развратных действий в отношении несовершеннолетних. Первое, что обращает на себя внимание при анализе подобных действий, это то, что их совершение чаще всего или почти всегда носит компульсивный характер, т.е. характер вынужденного влечения. Преступника как бы непреодолимо влечет к названным поступкам, его что-то “тащит” за собой, и в общем-то он мало управляет своим поведением. Причем все это делается в условиях очень большого риска и более чем вероятной кары. Многочисленные беседы с такими лицами показали, что они вполне понимают исключительно безнравственный характер своего поведения, даже осуждают его и не ищут ему оправдания в поступках потерпевших, но ничего не могут с собой поделать. Как легко можно заметить, их действия очень сильно напоминают действия алкоголиков и наркоманов. Но сходство здесь отнюдь не только внешнее, поскольку и те и другие неудержимо влекомы и не могут обойтись без того, что вызывает осуждение у всех других. Напрашивается вывод, что и причины у них должны быть схожи, особенно если иметь в виду психологический уровень.

Думается, что влекомость и неудержимость при совершении многих сексуальных преступлений, помимо физиологических механизмов, роль которых не следует преувеличивать, определяется тем, что человеку чрезвычайно важно утвердить то, что составляет основу его существова-

ния, а поэтому вновь и вновь он совершает подобные действия. Их повторяемость тем выше, чем меньше его уверенность в себе, чем сильнее у него неосознаваемое стремление стать таким, каким ему хотелось бы себя видеть, но каким он по своему внутреннему ощущению не является, чем, наконец, больше такой человек нуждается в компенсации своих личностных дефектов и чем болезненнее для него собственные жизненные провалы и катастрофы. Воздержание от сексуальных посягательств может означать утрату своей индивидуальной определенности – как и при алкоголизме и наркомании.

Конечно же, приведенные рассуждения не представляют собой первую попытку особо выделить жизненно важное значение отношений между полами. Выдающийся русский мыслитель Н.А.Бердяев писал: “Вопрос о поле любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного мирозерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви. С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти. Это проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь точно позора, преодолеть трагедию пола и любви, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному” (4, с.17).

Тайна разрыва и тайна всякого соединения... мучительнейший вопрос, мировой вопрос... Это обо всем человечестве, о всех людях и преступных в том числе, это великая загадка природы, которую каждый решает по-своему, “хотя бы по-звериному”. Поэтому мы особенно подчеркиваем индивидуально бытийный характер проблем, решаемых при совершении большинства сексуальных преступлений. В.С.Соловьев считал, что “смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма” (18, с.505). Но это смысл любви, а при сексуальных преступлениях она обычно отсутствует, посягающий, как можно предположить, тоже спасает свою индивидуальность, но, понятно, не жертвует своим эгоизмом, а приумножает его.

Сексуальных преступников отличает целый ряд специфических представлений и ориентаций. Так, для лиц, совершающих изнасилования,

ценность женщины обычно очень велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность. Более того, последняя ими вообще не воспринимается как какая-то ценность и вообще к женщинам у таких людей амбивалентное, двойственное отношение – тяготения и отвергания одновременно. Чем глубже и травматичнее у них переживания в сексуальной сфере и межполовых отношениях, чем меньше они осознаются, чем стабильнее установки на отрицание половой неприкосновенности женщины, чем острее воспринимается она в качестве источника глубокой психотравмы, тем выше вероятность совершения тяжких сексуальных преступлений с нанесением опасных телесных повреждений, в том числе повторных.

Иначе говоря, чем жестче психологическая зависимость человека от внешних ситуаций и травматичнее вызываемые ими переживания, тем выше степень его несвободы и, следовательно, вероятность совершения им преступления. Таким образом, несвобода и есть главная глубинная психологическая причина преступного поведения, и в этом плане предлагаемое решение соответствует представлению великого датского мыслителя С.Кьеркегора: “Понятие, противоположное греху, есть не добродетель, а свобода”.

Весьма важно отметить, что все черты нравственно-психологической характеристики личности сексуального преступника возникают не сразу. Они формируются, развиваются и закрепляются в личности с первых дней жизни индивида. Вот почему справедливо утверждение, что сексуальное преступление, как и любое другое, подготовлено всем ходом жизни, является ее итогом и вне этого контекста не может быть адекватно объяснено. Вот почему генетический анализ преступных половых посягательств крайне важен для дальнейших сексолого-криминологических поисков, его можно считать самостоятельным направлением исследований.

Приведенные соображения о детерминации сексуальных преступлений носят общий, но принципиальный характер.

На совершение насильственных половых преступлений большое влияние оказывают психические аномалии, которые больше всего характерны для сексуальных и насильственных преступлений:

– психические аномалии с первых лет жизни человека могут препятствовать возникновению и развитию адекватных полоролевых установок, осознанию себя в качестве равноправного и равноценного участника сексуальных отношений. Так, психопатии и последствия черепно-мозговых травм способны сформировать ощущение своей сексуальной

неполноценности, ущемленности, недостаточности. Более того, в раннем возрасте, например, у мужчины могут быть заложены основы субъективно-искаженного восприятия женщины, как угрожающей, разрушительной силы. В итоге он в отношениях почти с любыми представительницами противоположного пола начинает занимать оборонительную позицию, а лучший способ защиты – нападение. Поэтому многие изнасилования, совершаемые “аномальными” преступниками, сопровождаются жестокими избиениями и издевательствами над потерпевшими;

– пограничные психические расстройства мешают установлению нормальных, социально-одобряемых отношений с представителями противоположного пола. В этом особенно негативную роль играет дебилность. Ей свойственны дефекты мышления и речи, задержки в умственном развитии, низкий запас знаний и слов, неправильное произнесение слов, отсутствие многих, необходимых в жизни, умений. Движения олигофренов в степени дебилности замедлены, угловаты, однотипны, неловки, мимика и пантомимика однообразны, бедны, невыразительны. Для них характерно “тупое” выражение лица, иногда нарушение строения черепа, что в сочетании с внешней неряшливостью и неопрятностью вследствие несоблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм существенно препятствует завязыванию и поддержанию принятых отношений с девушками и женщинами. Более того, не исключены насмешки и издевательства со стороны последних. Олигофрены, лишённые возможности удовлетворить свои половые запросы обычным путем, чаще, чем здоровые, прибегают к насилию;

– нарушения психики, которые ослабляют волевые механизмы, способствуют тому, что возникающие у лиц с такими нарушениями половые потребности чаще приводят к преступному сексуальному, в том числе насильственному, поведению. Удовлетворение такой потребности у них не опосредуется социальными нормами, запретами или ограничениями, а потому путь от ее появления до действий по ее реализации короче. Сами же действия достаточно примитивны, иногда внезапны, подчас непродуманны, очень редко включают в себя предварительное планирование и тщательную подготовку, сокрытие следов преступления и т.д. Поэтому успешно предупреждать половые преступления лиц с психическими аномалиями во многих случаях сложно;

– существенное влияние на сексуальное преступное поведение лиц с психическими аномалиями оказывает их внушаемость. Весьма наглядно это проявляется в групповых изнасилованиях, в совершение которых такие лица, например олигофрены, вовлекаются легко, особенно учиты-

вая, что многие из них иным путем не могут удовлетворить свои сексуальные нужды.

Очень важно отметить, что психические аномалии существенно затрудняют усвоение социальных норм, регулирующих отношения между полами. Но это обстоятельство не следует рассматривать изолированно, а в контексте всех связей и отношений лиц с такими аномалиями. Дело в том, что в социально-психологическом плане они отличаются отчужденностью от социально-одобряемых ценностей и малых социальных групп, большей, чем здоровые люди, исключенностью из нормального общения, дезадаптацией в микросоциальной среде, ослаблением связей с окружающими. Происходит это и потому, что они обладают субъективно слабыми адаптивными возможностями, и потому, что сама среда их часто выталкивает. Поэтому предупредительное влияние на них других людей в значительной своей части неэффективно. В целом чем хуже человек адаптирован, тем труднее удержать его от антиобщественных действий.

Разумеется, никакой фатальности в совершении сексуальных преступлений, как и любых других, лицами с психическими аномалиями не существует, хотя среди преступников их больше, чем среди законопослушных людей. Криминогенное действие таких расстройств неизбежно лишь на массовом уровне, т.е. на уровне преступности или вида преступности, но отнюдь не отдельного человека. Даже олигофрены при надлежащем воспитании не будут нарушать сексуальные запреты.

Итак, влияние психических аномалий на совершение изнасилований, как и других насильственных сексуальных преступлений, неоднозначно. Поэтому никогда не следует, узнав о совершении необычного сексуального правонарушения, уверенно говорить: “Это произошло потому, что преступник психически неполноценен”. Психические аномалии вписаны в общую психологию личности, в ее структуру. Адекватная оценка этой структуры и места в ней расстройств психической деятельности даст возможность понять истинную природу и причины сексуального преступного поведения.

§ 3. НАСИЛИЕ – ЭТО РАЗРУШЕНИЕ

Между личностью, обществом и насилием постоянно имеет место тесное взаимодействие. Общество и человек используют насилие как способ решения проблем, в этом качестве они утверждают насилие, формируют, избирают, изменяют, совершенствуют конкретные его формы, определяют цели, для достижения которых его следует применять. Существуют целые институты, органы, организации, ведомства, единственное или главное содержание деятельности которых состоит в совершенствовании способов насилия и (или) его применения. Человек и общество иногда даже угадывают (чаще интуитивно) смысл своей агрессии, но это им удается далеко не всегда. В ряде случаев насилие используется ради самого насилия, чтобы продемонстрировать собственную силу и власть, насладиться, упиться ими. Как правило, за этим стоит высокий уровень тревожности – отдельного человека, группы, организации, государства, которые с помощью насилия стремятся доказать себе и другим свою силу, значимость, годность, даже могущество. Очень часто именно такое насилие, внешне иногда кажущееся бессмысленным, приобретает грандиозные и невероятно трагические масштабы, особенно если действуют некрофильные личности, которые только в смерти видят решение своих проблем. В свою очередь насилие способно оказывать обратное разрушающее воздействие на личность, общество и его институты.

В понимании насилия мы будем исходить из того, что оно означает разрушение чего-то, нанесение ущерба кому-то ради кого-то. Ущерб может быть весьма незначительным, он может быть катастрофичен, необратим, например при причинении смерти. Ущерб, разрушения могут носить физический или (и) психологический (нравственно-психологический) характер, причем, как мы увидим ниже, они не всегда совпадают друг с другом. Насилие способно уместиться в пределах ком-

мунальной кухни, оно происходит на полях величайших сражений или при истреблении целых народов. Насилие не является синонимом агрессии, поскольку второе понятие шире первого: агрессия присуща, как известно, и животным, насилие же чисто человеческая черта, имеющая место только в межличностном общении, только в обществе. Но в целом насилие и агрессия есть явления одного порядка.

Насилие может быть разрушительным или конструктивным, когда реализуется ради социально одобряемых целей. Но определение насилия в качестве конструктивного достаточно условно в том смысле, что и в этом случае имеет место разрушение, нанесение кому-то ущерба. Подобное мы можем наблюдать, например, при задержании преступника и лишении его свободы. Сказанное позволяет сделать вывод, что насилие само по себе нейтрально, оно становится разрушительным или конструктивным в зависимости от того, в чем заключается его смысл и какие цели оно преследует.

Уместно ли говорить о насилии, если причиняемый ущерб желаем для того, на кого оно направлено? Как представляется, здесь необходимо дать положительный ответ вне зависимости от желания или нежелания объекта агрессии, поскольку имеют место разрушительные действия. Поэтому мазохистские влечения здесь не значимы. При мазохистском насилии ущерб носит физический характер, поскольку ущерб наносится телу, частям тела, организму, но при этом реализуется психологический выигрыш мазохиста.

Следует ли расценивать в качестве насилия разрушительные действия против самого себя? Есть основания думать, что и на этот вопрос нужно ответить положительно и по той же причине, ибо совершаются разрушительные действия в отношении собственного тела. Здесь также наносится ущерб организму, здоровью, жизни, но это одновременно может быть выгодно для суицидальной личности, если, например, жизнь для нее становится невыносимой. Если человек прибегает к самоубийству из опасения оказаться в руках врага, что грозит ему пытками и мучительной смертью, то аутоагрессия психологически становится средством обороны. Следовательно, здесь ущерб приводит к выгоде.

А как быть в случае, если лишь высказана угроза, которая, однако, не реализуется в поступках? Представляется, что и в таких случаях агрессия налицо, поскольку производится разрушительное воздействие на психику того человека, которому была адресована угроза, при этом часто унижаются честь и достоинство. Не имеет значения, что объект угрозы не обратил на нее внимания, пренебрег ею, вообще ничего не заметил.

Главное состоит в том, что такое поведение было реализовано, и в данном случае уместно его сравнение со стрельбой с целью убийства в ничто не подозревающего человека из пистолета, который заряжен.

Можно ли считать насилием нанесение вреда неживым объектом? По-видимому, положительное решение такого вопроса будет вполне обоснованным. Объектом агрессии может стать природа или какие-нибудь произведения рук и разума человека, если по отношению к ним будут предприняты разрушительные действия. Насилие особенно наглядно, если вследствие его применения будет нанесен физический, материальный, этический, эстетический, психологический или иной ущерб обладателю (обладателям) неживого объекта. Один из типичных примеров – надругательство над флагом страны.

Насилие, даже если оно желательно для объекта агрессии, даже если оно направлено против самого себя или на неживые объекты, обычно свидетельствует об агрессивности субъекта. Вместе с тем к насилию может прибегнуть и неагрессивный человек, например в целях самозащиты. Значит, необходимо отличать насилие, агрессию как поведение, поступок от агрессивности как черты характера, как влечения к деструкции и разрушению. Насилие – это один из способов существования человека, одна из форм его социального поведения, при котором происходит взаимодействие по крайней мере двух людей. Насилие представляет собой и механизм, на государственном уровне обычно четко отлаженный. С его помощью осуществляются управление страной и регулирование общественных отношений. В индивидуальной и общественной психике на уровнях сознания и бессознательного всегда хранится опыт его прошлых применений, начиная с древних времен, а у отдельного человека – формируется с первых дней его жизни. Таким образом, названный опыт носит фило- и онтогенетический характер. Не исключено, что информация о подобном опыте сохраняется на биологическом уровне и, конечно, в коллективном бессознательном. Поэтому, очевидно, люди, живущие в разных уголках мира, выросшие в совершенно разных культурах, практически одинаково агрессивно реагируют на сходные факторы. В определенных ситуациях автоматически включаются соответствующие агрессивные механизмы, эффективность действия которых зависит не только от объективного содержания внешних ситуаций, но и от субъективного восприятия их действующим субъектом, группой или организацией. Сказанное дает основание считать, что существует архетип насилия, тем более что информация о нем хранится в коллективном бессознательном.

Если иметь в виду разрушительное (термин Э.Фромма) насилие, его можно определить как архетип Каина.

Как убедительно показал К. Лоренц, наблюдаемая у столь многих животных агрессия, направленная против собратьев по виду, вообще говоря, никоим образом не вредна для этого вида, напротив – необходима для его сохранения. Однако это, не без иронии пишет К.Лоренц, отнюдь не должно оболящать нас оптимизмом по поводу современного состояния человечества, совсем наоборот. Если бесстрастно посмотреть на человека, каков он сегодня (в руках водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе инстинкт агрессии – наследство человекообразных предков, с которым его рассудок не может совладать), трудно предсказать ему долгую жизнь. Но когда ту же ситуацию видит сам человек – которого все это касается! – она представляется жутким кошмаром, и трудно поверить, что агрессия не является симптомом современного упадка культуры, патологическим по своей природе.

Знание того, что агрессия является подлинным инстинктом – первичным, направленным на сохранение вида, – позволяет нам понять, насколько она опасна. Главная опасность инстинкта состоит в его спонтанности. Если бы он был лишь реакцией на определенные внешние условия, что предполагают многие социологи и психологи, то положение человечества было бы не так опасно, как в действительности. Тогда можно было бы основательно изучить и исключить факторы, порождающие эту реакцию.

З.Фрейд заслужил себе славу, впервые распознав самостоятельное значение агрессии; он же показал, что недостаточность социальных контактов и особенно их исчезновение (“потеря любви”) относятся к числу сильных факторов, благоприятствующих агрессии (14, с.56-57).

К.Лоренц высказывает мысль, чрезвычайно плодотворную для понимания сущности агрессии человечества: “Оно не потому агрессивно и постоянно готово к борьбе, что разделено на партии, враждебно противостоящие друг другу; оно структурировано именно таким образом потому, что это предоставляет раздражающую ситуацию, необходимую для разрядки социальной агрессии... Таков двуликий Янус – человека. Единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в психофизической организации, звериные особенности которой несут в себе опасность, что оно будет убивать своих собратьев в убеждении, будто так надо для достижения тех самых

высших целей”(14, с.256). Врожденный инстинкт выживания, присущий всем живым существам, развился, согласно К.Лоренцу, в ходе длительной эволюции, о чем свидетельствуют его три важные функции. Во-первых, борьба рассеивает представителей отдельных видов на широких пространствах, при этом обеспечиваются и освоение этих пространств, и максимальная утилизация имеющихся пищевых ресурсов. Во-вторых, агрессия помогает улучшать генетический фонд вида за счет того, что оставить потомство могут только наиболее сильные и энергичные индивиды. В-третьих, сильные животные лучше защищаются и обеспечивают выживание своего потомства. Агрессивная энергия накапливается в организме непрерывно и постоянно.

Механизм агрессии, по мнению Э.Фромма, “вмонтирован” в мозг человека и животного и призван охранять их жизненно важные интересы от угрозы. Если бы человеческая агрессивность находилась на таком же уровне, как у других млекопитающих (например, наших ближайших родственников – шимпанзе), то человеческое общество было бы сравнительно миролюбивым. Но это не так. История человечества дает картину невероятной жестокости и деструкции, которая явно во много раз превосходит агрессивность его предков. Животные также иногда проявляют чрезвычайную деструктивность, когда нарушается равновесие в окружающей среде, например в условиях скученности. Из этого можно сделать вывод, что человеческая психология оказалась значительно более деструктивной в связи с тем, что человек не только сам создал себе условия жизни, способствующие агрессивности, но и сделал эти условия не исключением, а нормой жизни. Поэтому гиперагрессивность человека следует объяснить не более высоким потенциалом агрессии, а тем, что условия, вызывающие агрессию в человеческом обществе, встречаются значительно чаще, чем у животных в естественной среде их обитания.

Таким образом, Э.Фромм приходит к обоснованным выводам, что агрессия:

- есть генетически обусловленный фактор;
- носит оборонительный характер;
- является реакцией на внешние условия.

Вместе с тем Э.Фромм напоминает о том, что жестокость вызывает в человеке чувство настоящего удовольствия, а неистовая жажда крови может охватить огромные массы людей. Индивиды и целые группы могут обладать такими чертами характера, которые стимулируют стремление к ситуации, позволяющей им разрядить свою деструктивную энергию, а если таковой не наступает, они подчас искусственно создают ее.

Вероятно, только человек получает удовольствие от бессмысленного и беспричинного уничтожения живых существ. Обобщая, Э.Фромм говорит, что только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранению и вне связи с удовлетворением потребностей. Объяснение жестокости и деструктивности человека следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Главная проблема, считает Э.Фромм, состоит в том, чтобы выяснить, насколько специфические условия существования человека влияют на возникновение у него жажды мучить и убивать, а также от чего зависят характер и интенсивность получаемого при этом удовольствия (22, с.162-163).

По-видимому, агрессивность человека определяется, во-первых, его биологическими задатками, т.е. она генетически обусловлена и запрограммирована его животным происхождением; во-вторых, собственно человеческой формой жизни, которая выше животной и отличается сознанием, речью, мышлением; в-третьих, особенностями филогенетического и онтогенетического развития именно человека. Индивид обороняется не только от враждебных внешних сил, о чем чаще всего и пишут, причем опасности на самом деле может не быть. Но если даже такая опасность воспринимается как реальность, значит, она реальна – для него. Поэтому агрессия с его стороны, даже глобальная, субъективно вполне оправдана.

Однако только действительными и мнимыми внешними угрозами человеку его агрессию объяснять невозможно. Он может прибегнуть к насилию и жестокости и по другой, не менее важной причине, которая до сих пор почти не привлекала внимания: огромная, слепая, непонятная деструктивная сила грозит ему из темных глубин его собственной психики, вытесненных психотравмирующих переживаний его индивидуально-бессознательного, и из той части коллективного бессознательного, которая адаптирована в психике конкретного субъекта. Путь мифологического героя есть движение по подземельям своего бессознательного в поисках, в том числе источников опасности, поскольку логикой реакций страха является не уход от такого источника, а попытка его нахождения. На этом пути герой совершает множество подвигов, т.е. постоянно проявляет агрессию, причем часто на психопатической почве, провоцируя агрессию на себя. Следовательно, деструкция человека является способом и снижения тревожности, и защиты себя.

По мнению Э.Фромма, необходимо строго отличать агрессию биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни, доброка-

чественную, от злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни. Биологически адаптивная агрессия – это реакция на угрозу витальным интересам индивида; она заложена в филогенезе; свойственна как животным, так и людям; носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины.

Биологически неадаптивная, злокачественная агрессивность (т.е. деструктивность и жестокость) вовсе не является защитой от нападения или угрозы; она не заложена в филогенезе; присуща только человеку; приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления – убийство и жестокие истязания – не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия. Причем эти действия наносят вред не только жертве, но и самому агрессору. В основе злокачественной агрессивности лежит не инстинкт, а некий человеческий потенциал, уходящий корнями в условия самого существования человека (22, с.163-164). Человек – единственное живое существо, способное уничтожить себе подобных без всякой для себя пользы или выгоды (22, с.189-190).

Можно согласиться с предложенным Э.Фроммом пониманием деструктивности, можно различать доброкачественную и злокачественную агрессию. Между тем его анализ и оценка этих типов агрессии вызывают серьезные сомнения, во всяком случае, потребность обсудить некоторые положения фроммовской концепции. Прежде всего следует отметить, что если с доброкачественной агрессией все более или менее понятно, то этого никак нельзя сказать о втором типе. Здесь неясно очень многое, некоторые мысли Э.Фромма представляются достаточно спорными. Например, он считает, что неадаптивная агрессия не заложена в филогенезе, однако известно, что такая агрессивность свойственна человеку с “первых минут” его появления на земле. Если согласиться с нашим мнением по поводу того, что злокачественная деструктивность может быть связана с той частью психики, в которой адаптирован опыт коллективного бессознательного, то, возможно, станет понятным филогенетический аспект второго типа агрессивности. В этом случае данный тип можно осмысливать в архетипических категориях и определить его как архетип Каина (название, естественно, условное).

Злокачественная агрессия, по Э.Фромму, не является защитой от нападения или угрозы. Но это так, если угрозой считать только то, что исходит из окружающего мира. Однако угроза человеку вполне может исходить из его собственного бессознательного, из Тени такого бессознательного (пользуясь терминологией К.Г.Юнга) (23,

с.182-183). Но тогда не выдерживает критики утверждение Э.Фромма, согласно которому так называемая биологически неадаптивная деструктивность не служит защитой от нападения или угрозы, что человек единственное живое существо, которое уничтожает себе подобных без всякой для того пользы или выгоды. Напротив, она становится необходимой, человек получает огромный выигрыш от своих жестоких (иногда особо жестоких) действий, но этот выигрыш сугубо психологического характера. Например, жестокое и внешне беспричинное избивание жертвы, приводящее к ее смерти, своим бессознательным мотивом может иметь стремление самоутвердиться, доказать самому себе свою силу и тем самым снять собственные мучительные сомнения в своей несостоятельности. Вот почему никак нельзя присоединиться к мнению Э.Фромма, что главные проявления злокачественной агрессивности (убийство и жестокие истязания) не имеют никакой иной цели, кроме получения удовольствия. Очень часто жестокие убийства не приносят никакого удовольствия убийце, да он и не ставит перед собой такой цели. Убийца как бы не видит жертвы, совсем не принимает ее во внимание, она не более чем некий объект, воздействуя на который он удовлетворяет свои и самому себе непонятные потребности.

Проведенное нами исследование личности и преступного поведения десятков самых жестоких убийц как раз свидетельствует об этом. Судя же по тому, что говорит о злокачественной агрессии Э.Фромм, подобной эмпирической информацией он не располагает. Отсюда отдельные несколько наивные и даже поверхностные суждения в работе, которую с полным правом можно назвать грандиозным анализом зла. Так, Э.Фромм полагает, что “агрессивность из мести – это ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-либо из членов его группы. Такая реакция отличается от обычной оборонительной агрессии двумя аспектами. Во-первых, она возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности уже говорить поздно. Во-вторых, она отличается значительно большей жестокостью и часто связана с половыми извращениями” (22, с.237).

Эти выводы вряд ли могут найти подтверждение.

1. Реакция в виде мести на несправедливость лишь внешне и исключительно только по времени может считаться совершенной уже после того, как причинен вред. Если человек был тяжело оскорблен (я уже не говорю об убийстве родных или близких), вред будет актуально существовать до тех пор, пока он переживается оскорбленным, а отнюдь не

только в момент его нанесения. Опасность здесь грозит индивиду изнутри, так сказать, из него самого, особенно если поставлены под удар его самооценка, самоценность, целостность, то, без чего он не может принять самого себя. Поэтому совершенно не поздно говорить о грозящей опасности. Особенно травматичными будут переживания ригидных, застревающих личностей.

2. Нет никаких данных о том, что месть отличается значительно большей жестокостью и часто связана с половыми извращениями. Ущерб при мести чаще бывает адекватен разрушению при первоначальной агрессии. Что касается половых извращений, то вообще непонятно, как возник вопрос о них. Другое дело, что месть бывает связана с тяжкими сексуальными переживаниями, о чем, кстати, у нас имеется достаточно много информации. Но Э.Фромм, конечно, имел в виду не это.

Вообще, анализируя агрессию и пытаясь определить ее природу, не следует ограничиваться изучением цели тех или иных агрессивных действий. Думается, что более продуктивным является исследование их смысла, ибо изучение смысла дает возможность познать мотивацию индивидуального поведения.

Р.Бэрн и Д.Ричардсон полагают, что агрессия может быть враждебной и инструментальной. Первый термин относится к тем случаям проявления агрессии, когда главной целью агрессора является причинение страданий жертве. Люди, проявляющие враждебную агрессию, просто стремятся причинить зло или ущерб тому, на кого они нападают. Понятие инструментальной агрессии, наоборот, характеризует случаи, когда агрессоры нападают на других людей, преследуя цели, не связанные с причинением вреда. Иными словами, для лиц, проявляющих инструментальную агрессию, нанесение ущерба другим не является самоцелью. Скорее, они используют агрессивные действия в качестве инструмента для реализации различных желаний (6, с.31).

Мнение указанных авторов по поводу возможности существования враждебной и инструментальной агрессии (такой позиции придерживаются и некоторые другие исследователи) в целом можно разделить, хотя, конечно, любая агрессия направлена на решение конкретных задач – сугубо личностных, групповых и т.д. Вместе с тем Р.Бэрн и Д.Ричардсон, по нашему мнению, слишком упрощают проблему. Прежде всего, они не упоминают о том, что отнюдь не всегда можно отграничить враждебную агрессию от инструментальной; более того, они нередко переплетаются. Так, нами изучено много случаев нападений, когда одновременно решались задачи и завладения чужим имуществом, и полного

подавления жертвы, причинение ей особых мучений, чтобы удовлетворить свои садистские наклонности, показать свою силу и власть. Обычно ограбление как цель достаточно хорошо осознается, второй же уровень мотивации редко охватывается сознанием.

§ 4. НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Насилие, особенно в повседневном общении, в быту, совсем не обязательно порождается такими субъективными стимулами, как злость, ненависть или месть, либо желанием причинить страдания или мучения жертве. Оно редко связано с состоянием сильного эмоционального возбуждения, когда значительно ослабевают сдерживающие психологические механизмы. Многие агрессоры достаточно равнодушно относятся к своим жертвам, совсем не ненавидят их, иногда даже симпатизируют им, даже любят их, с чем мы постоянно сталкиваемся при учинении насилия по мотивам ревности. Встречаются факты убийств, когда лишают жизни своих близких, даже детей, чтобы уберечь их от страданий и мученической смерти, чтобы они не повторили тот трагический жизненный путь, который пришлось пройти убийце. Следовательно, на индивидуальном, личностном уровне насилие порождается не одной какой-либо причиной, а их сложным взаимопереплетающимся комплексом, который действует на разных уровнях и каждый раз с разной силой и в разных формах.

Злости и ненависти совсем может не быть у тех, кто планирует и осуществляет военные действия. Военные летчики, ведущие ковровое бомбометание по населенным пунктам, вполне могут оказаться добропорядочными семьянинами и заботливыми отцами, занимать активную гражданскую позицию, выступать за равноправие и отмену смертной казни. Ясно, что жизнь таких людей протекает в параллельных и непересекающихся плоскостях, и они искренне убеждены в том, что не являются агрессивными людьми, а это, кстати, скорее всего, верно. Вообще, человечество обязательно отвергает все обвинения в своей агрессивности, а тем более в жестокости. Поэтому стремление

к деструкции всегда маскируется (иногда очень умело) соображениями защиты чести, достоинства и извечных ценностей, интересов родины, своего очага, обеспечения светлого будущего и т.д. Даже казалось бы неприкрытая агрессивность тоталитарных режимов пытается натянуть на себя маску миролюбия, которая в действительности оказывается лишь шутовским колпаком для одурачивания простачков. Но люди всегда знали, точнее – чувствовали, что будут убивать, хотя сладкопечно шептали друг другу утешительные и нежные слова о любви, прощении и дружбе. Нельзя сказать, что это всегда лицемерие, даже если такие слова звучат из уст глав государств и дипломатов. Напротив, очень часто имеет место искренняя убежденность в военной гармонии и миролюбии, а потом столь же искреннее удивление, что опять ничего не получилось.

Необходимо различать насилие, во-первых, как слово, используемое в повседневной жизни для обозначения определенных действий и понятное социуму, в котором оно произносится; во-вторых, как научный термин, за которым стоит конкретное содержание, приемлемое для данной отрасли знания. В первом случае, например, в английском языке насилие понимается как физическая сила, используемая для нанесения телесных повреждений, порчи или разрушения. В качестве научного термина насилие понимается различно в различных дисциплинах. Так, политологи обычно видят в нем подавление или принудительное ограничение свободы воли социального субъекта, обусловленное действиями социальных сил, стремящихся к политической власти, ее осуществляющих, утверждающих определенный порядок, ограничивающих интересы противоположной стороны, удовлетворяющих территориальные и иные претензии и т.д. Легко заметить, что политологи связывают насилие больше с обществом и государством, личность как источник агрессии как бы остается в стороне, что особенно характерно для политологии, социологии, права. Между тем и в государственной машине насилия действуют отдельные личности. Они планируют, организуют и осуществляют непосредственно на практике то насилие, которое предписывают им закон и подзаконные нормативные акты, которое ждет от них начальство и в конечном итоге весь государственный организм, все общество. Но, конечно, мотивы их участия в насильственных действиях могут быть самыми разными.

В политологии раздаются призывы сузить понятие политического насилия. Так, А.В.Дмитриев и И.Ю.Зальсин полагают, что, если все не-

гативные явления в общественно-политической жизни называть насилием, у некоторых субъектов политики появится возможность манипулировать общественным сознанием, чтобы оправдать свое собственное, реальное насилие (согласно их логике, взрыв бомбы, например, ничем не хуже эксплуатации наемной рабочей силы путем присвоения прибавочной стоимости; с точки зрения широкого подхода и то и другое – насилие). Этим активно пользуются на практике различные радикальные организации и движения, которые обвиняют в насилии своих политических противников, власти даже тех демократических государств, где, безусловно, существуют проявления социальной несправедливости, но действительное насилие сведено к минимуму.

А.В.Дмитриев полагает, что насилие (насилие вообще) можно характеризовать как коммуникацию действий, по-видимому, понимая под коммуникацией связь различных поступков. Именно поэтому он рассматривает коммуникацию как реакцию на действия (8, с.186). Однако такое понимание насилия требует уточнения, поскольку очень часто оно ничем не провоцируется и ни в коем случае не является реакцией на чье-то поведение. Оно вызывается потребностью того лица, которое его реализует... Насилие не обязательно вызывает ответные действия, если, например, жертва не может или не хочет никак реагировать. В этом случае, видимо, нельзя говорить о коммуникации действий.

А.В.Дмитриев и И.Ю.Залысин выделяют духовное (психологическое и идеологическое давление), экономическое и физическое принуждение. Насилие, на взгляд названных авторов, представляет собой преимущественно физическое принуждение, осуществляемое в процессе властвования (9, с.20-21). Таким образом понимаемое насилие носит чисто политологический, государственно-правовой характер. Однако с этим вряд ли согласится психология, в рамках которой широко исследуются психическое насилие и психические (психологические) аспекты физического насилия. Психология, расширяя насилие до рамок агрессии, изучает агрессию в снах, фантазии, бреде и т.д. Но нельзя не согласиться с А.В.Дмитриевым и И.Ю.Залысиным, что физическое принуждение по своим механизмам, объекту, инструментам и другим признакам качественно отличается от других форм принуждения. По справедливому мнению этих исследователей, рассмотрение насилия как физического принуждения, а не как физической силы более точно отражает специфику насилия как понятия политологической науки. Политологическое же определение понятия насилия включает в себя физическое принуждение,

используемое как средство навязывания воли субъекта с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования, распределения, защиты (9, с.22-24).

Не только повседневное насилие, необходимое, например, для охраны прав человека и его жизни, но даже и политическое ни в коем случае не заслуживает лишь негативных оценок хотя бы потому, что государственное насилие часто направлено на обеспечение должной жизнедеятельности личности. Между тем в политических (государственно-правовых) науках подобные оценки, обычно никак не аргументированные и прекраснородушные, получили немалое распространение (Э.Дюркгейм, Ж.Госс). Классикой лицемерно-циничного отношения к политическому насилию можно назвать работы К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина. В них неизменно подчеркивалось, что государство является особым аппаратом для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Их труды послужили теоретической основой формирования самого кровавого государства в истории, а В.И.Ленин сам и создал его.

Известно, что ужасы гитлеровских и сталинских концлагерей не являются случайными отклонениями, результатом безумств специально отобранных психически ненормальных людей. Концлагеря – это одно из крайних проявлений сущности тоталитарных режимов. Но нужны еще и особые условия, которые размывают обычное для нормального человека отвращение к чудовищным жестокостям. Так, социолог З.Бауман в книге “Холокост и дух Нового времени” определил три предварительных условия, порождающих институционализированные нарушения прав человека.

1. Жестокости и пытки должны быть санкционированы сверху. Когда жестокость санкционирована начальством, когда она выглядит вполне законной, когда кто-то обладающий властью говорит, что все в порядке, что так и должно быть – на жестокость оказываются способны многие. Исполнять приказы обычно представляется делом добрым, правильным. Оспаривать, ставить под сомнение – дурным.

2. Подобные действия должны стать частью повседневной рутины, регламентироваться правилами, подробно описываться в инструкциях и руководствах. Тогда они начинают казаться нормальными и вполне допустимыми.

3. Жертву жестокости нужно лишать человеческого облика. Когда постоянно слышишь и читаешь, что те, кого пытаются или систематически уничтожают, отличаются от других людей, что они порочны, что они –

враги, что они неполноценны и не вполне люди, – пытать и мучить гораздо легче. Когда людей унижают, обрывая им головы, не позволяя мыться, заставляя носить не подходящую по размеру или нелепую одежду, недостойным образом отправлять естественные потребности, жить в грязи, драться между собой за скудную еду, – тогда легко сказать себе: “Они и вправду не такие, как мы. Они ниже нас. Они позорят человеческий род. Они все равно что сорняки или паразиты. У них нет права на уважение или нормальное обращение. Тогда становится возможным все происходившее в концлагерях” (цит. по: 19, с.43-44).

С каким же наслаждением предается человек толпы упоительным мыслям о том, что есть люди значительно ниже и хуже его, это даже вообще не люди, они лишь по досадному недоразумению стали называться так! В это особенно верится, когда подобное говорят авторитетные, уважаемые люди, национальные кумиры, умудренные жизнью седовласые старцы или яркие политические характеры. Маленький человечек начинает чувствовать себя гигантом, поскольку он психологически возвысился над другими, недостойными, особенно если получил возможность попирать их и в то же время приобщиться “сокровенных истин”.

Один из крупнейших исследователей проблем политики Р.Даль утверждает, что власть – это возможность одного человека заставить другого делать то, что он по своей воле не стал бы делать. С.Лукс понимает под властью воздействие одного индивида на другого, которое имеет морально значимый и нетривиальный характер и затрагивает его интересы, покушается на его автономность, осуществляется против его воли (цит. по: 9, с.28).

Между тем такое понимание власти весьма упрощает проблему, поскольку игнорирует многие чрезвычайно важные достижения психологии личности, социальной психологии, этнопсихологии, аналитической психологии (особенно архетипической), религиоведения. Сейчас можно считать неоспоримо установленным, что многим людям жизненно необходимы психическое насилие, без него они просто не выживут, восприятие власти и властного насилия нерасторжимо связаны с мировосприятием в целом и с идеями высших, в первую очередь божественных, сил. Подчинение политическому насилию иногда вызывает сладостный трепет и восхищение сродни тому, которое испытывается под прессом божественного принуждения. Многие даже из тех, кто грубо попирает закон, в темных глубинах души жаждут, чтобы к ним было применено государственное принуждение. Конечно, общество не делится на тех, кто жаждет иметь власть, чтобы применять насилие, и тех, кто нуждается в

подавлении и принуждении. Но вспомним свое недавнее позорное тоталитарное прошлое, тот восторг, который овладевал душами миллионов людей, подвергшихся грубому насилию. Можно сколько угодно называть насилие вообще и политическое в частности патологией, однако не надо забывать при этом, что любая патология существует только в диалектической паре с нормой. Следовательно, без патологии не было бы и нормы.

Насилие сыграло и продолжает играть существенную роль в процессах образования военных блоков, завоеваниях, сохранении различных форм государственности, политических, социальных, экономических революциях и в процессе реализации господствующими структурами различных, в том числе и репрессивных, стратегий. Насилие и угроза его применения нередко оказываются и историческим условием мира. Внутри общества оно всегда является необходимостью в качестве санкций по отношению к злым нарушителям действующих норм. Идеи полного отказа от насилия прекрасны, но нереальны. Они могут существовать только в качестве некоего этического идеала, к которому лишь надо стремиться. Достижим же некий цивилизованный уровень насилия, который скорее всего можно определить как применение разумного минимума принуждения и подавления для обеспечения безопасности личности и общества, нормального функционирования государства и его институтов.

Насилие не только многофункционально, но и многолико, а поэтому нуждается в типологизации. Прежде всего необходимо сказать о вертикальном и горизонтальном социальном насилии. Первое: насилие государственной власти по отношению ко всем слоям, группам и лицам, расположенным на разных уровнях социальной лестницы, их тотальное подавление, принуждение, разрушение. Второе: насилие между людьми и их группами в повседневной жизни в самых разных сферах. Первое всегда носит организованный характер, второе – лишь частично, от него можно защититься – своими силами и с помощью того же государства, даже тоталитарного. От вертикального насилия никакой защиты нет, оно носит всепроникающий и безжалостный характер, и если бандит пощадит женщину или старика, то бандитское государство не щадит никого.

Так, О.Шатуновская, входившая в хрущевский период в состав комитета партийного контроля, свидетельствовала, что из КГБ поступил такой документ с цифрами репрессированных: с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. арестовали 19 840 000 “врагов народа”, из них 7 млн. расстреляли. Эти же цифры приводят А.Микоян, А.Антонов-

Овсеенко, их считает официальными В.Корнеев. По мнению А.Н.Яковлева, число убитых по политическим мотивам и умерших в тюрьмах и лагерях за все годы советской власти превышает 20 млн. человек. Но это без учета тех, кто был расстрелян на месте, перенес ссылку, высылку, спецпоселение, фильтрацию, рабочие батальоны, рабочие колонны. Не считая погибших по вине властей от голода, мучившихся детей и жен врагов народа (20, с.102-103).

Беспрецедентные коммунистические репрессии поставили страну на колени. Каждый жил под прессом страха, и это было постоянное психическое насилие, которое исходило не только от государства, но и от общества, больших и малых социальных групп, даже от родных и близких, от супругов, от друзей и сослуживцев: они были ориентированы на донос и предательство под давлением все того же всепроникающего, темного и слепящего страха. Это было грандиозное разрушение общества, семьи, личности, столь необходимых интимных, дружеских, родственных, деловых отношений, это было отчуждение личности от общества и государства, в конечном итоге – отчуждение от самого себя.

Итак, носителями агрессии являются общество, государство, группа, отдельные люди. Носителем насилия является и толпа, о которой С.Москвичи писал, что она склонна к экстремистским установкам, которые легко часто меняются. Толпу, считал он, можно увлечь из одной крайности в другую, не встречая сопротивления. Из этого можно заключить, что толпа – это женщина (15, с.153). Толпа всегда теряет разум, очень часто жаждет крови и очень часто получает ее. Насилие может иметь место:

- в политической жизни, политической борьбе;
- в финансовой, производственной, предпринимательской деятельности;
- на войне и в военных конфликтах, в межэтнических и межрелигиозных противостояниях, в сепаратистских движениях;
- в сфере криминальной активности, чаще всего при столкновениях между преступниками, особенно организованными, между преступниками и их жертвами;
- в семейно-бытовой сфере и в производственном быту;
- в общественных местах, при проведении досуга;
- в закрытых и полужакрытых сообществах, прежде всего в тюремных учреждениях и в армии.

Нужно все-таки уточнить, что насилие, в том числе государственное (политическое), представляет собой не только физическое принужде-

ние, но и психическое. В одних случаях оно проявляется как угроза применения физического насилия или сопровождает последнее, в других – как нежелательное подчинение непререкаемому авторитету власти, ее лидеру. Важно отметить, что психическое насилие может реализовываться со стороны не только государственной власти, но и общества – его этических и иных требований, а также предписаний формальных и неформальных малых социальных групп. Неправомерное психическое принуждение (насилие) нередко рассматривается в качестве преступления. Многие же преступления совершаются под воздействием психического насилия, что можно, например, часто наблюдать в поведении несовершеннолетних преступников. Психическое насилие тоже является разрушением – психической целостности, “Я”-концепции, оно может вызывать тяжкие психотравмы. Психическое насилие способно разрушить и психологическую целостность социальной группы, большой или малой, со всеми вытекающими отсюда последствиями для каждого из ее членов.

Человек, совершающий насилие, вступает в определенные отношения с природой, что, по нашему мнению, не должно вызывать сомнений. Однако само его взаимодействие с ней даже по этому поводу всегда вызывало самые разные толкования. Например, де Сад, которого по чудовищной нелепости продолжают называть “божественным маркизом”, считал, что природа враждебна человеку, жестока и несправедлива по отношению к нему; она наполнена насилием и может погубить его. Он же, чтобы быть максимально близким к ней, сам должен все разрушить – вот почему самое страшное убийство лишь орудие законов природы. При убийстве, по де Саду, происходит попрание социальных правил, но и слияние с природой. Поэтому его герои – разрушители, насильники и убийцы.

Ф.Арьес совершенно справедливо считает, что идеи главного “сатаниста” получили значительное распространение. Их нетрудно найти в новейших типах сатанизма, согласно которым Сатана – это человек, вступивший в брак с природой. Чисто современным можно считать миф о сверхчеловеке, наследнике Сатаны: для сверхчеловека нет ни законов, ни порядка, ему все позволено, его естественная цель – удовлетворение собственных желаний, все же добродетели филантропов не что иное, как лицемерие. Встреча человека с природой совершается здесь не на уровне добродетели, а на уровне слепого и принципиально аморального всемогущества сильного (3, с.320).

§ 5. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТИПОЛОГИИ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Прежде чем перейти к построению конкретных типологий насильственных преступников, представляется целесообразным рассмотреть ряд общих соображений относительно типологии вообще, ее значения для реализации главной научной задачи – объяснения.

Типология является методом научного познания реальности, она создается с целью изучения неоднородных явлений в самых различных областях научной и практической деятельности и позволяет выявить связи между этими явлениями, их качественные, сущностные характеристики, виды и способы взаимодействия, развития и функционирования. Создавая типологии, исследователи стремятся упорядочить их описание, найти способы и средства выявления наиболее важных особенностей исследуемых явлений и, самое главное, найти им объяснения, понять сходства и различия. Таким образом, типологическое изучение обладает значительными объяснительными (нефеноменологическими) возможностями.

Под типом предметов или явлений принято понимать образец, вид, модель, характерный представитель чего-либо, обладающие существенными и качественными признаками. В частности, психологический тип личности представляет собой нечто особенное, выделяющее ее по определенному психологическому критерию, это некий образ, содержащий характерные, обобщенные черты какой-либо группы людей. Применительно к человеку типология отличается от классификации прежде всего тем, что в ней речь идет не о любом признаке, а о таком, в котором отражаются сущность, наиболее важные, объяснительные характеристики той или иной группы личностей. При этом такое понятие, как единое основа-

ние для конкретной типологии, не следует трактовать буквально, понимая под этим один-единственный параметр, измеряющий какое-либо свойство. Основанием типологии должны быть признаки явлений одного уровня познания (например, в психологии – характерологические свойства или темперамент, направленность личности, ценностные ориентации, мотивы и т.д.).

Стало быть, при создании типологии нельзя смешивать разнорядковые явления в качестве критериев ее обоснования. Так, недопустимо в одной психологической типологии один тип выделить на основе темперамента, а другой – особенностей мотивации.

К типологии как способу объяснения криминология прибегают давно. Достаточно вспомнить усилия в этом направлении Э.Ферри, который считал, что существуют “прирожденный преступник, преступник сумасшедший, преступник по приобретенной привычке, преступник в порыве страсти и преступник случайный. Все эти типы являются ненормальными и в ярко выраженной форме встречаются более или менее редко в серой массе средних преступников, образующих как бы хор греческой драмы” (21, с.17-18). Не будем воспроизводить описание каждого из названных типов преступников, в котором подробно анализируется поведение представителей отдельных групп. Некоторые из перечисленных типов, как будет видно из последующего изложения, отличаются большой живучестью. В частности, это относится к случайному типу.

В современной психологии и психиатрии активно разрабатываются типологии характера и темперамента человека, что представляет собой особый интерес для познания природы и причин насильственного поведения. Результаты названных типологических исследований призваны способствовать решению многих научных и практических задач, например, созданию теоретических основ и конкретных методик прогнозирования поведения человека, оказанию воздействия на направленность его поведения и т.д. Среди наиболее ценных психолого-психиатрических типологий можно назвать характерологические типологии, разработанные П.Б.Ганнушкиным в рамках аномалий характера (психопатий); К.Леонгардом – акцентуаций характера, т.е. ярко выраженных свойств характера, определяющих в значительной степени его структуру и поведение человека; А.Е.Личко – акцентуаций характера и психопатий у подростков.

Результаты типологических психолого-психиатрических изысканий неоднократно использовались в исследованиях преступного насилия. Так, было установлено, что среди насильственных преступников в зави-

симости от характера совершенного преступления представлены те или иные акцентуруемые личностные черты, но нет преступлений, которые можно было бы вывести только из акцентуаций (Ю.М.Антонян, В.П.Голубев, Ю.Н.Кудряков, Е.Г.Самовичев). Например, среди убийц в большей степени, чем среди других категорий преступников, представлены лица с застревающими чертами характера, с выраженной чувствительностью к особенностям межличностных отношений. Но застревающий тип характера встречается и среди корыстных преступников, различными акцентуациями могут обладать и вполне законопослушные граждане. Следовательно, сами по себе характерологические особенности криминологически нейтральны, а стимулируют преступное поведение более глубинные и системные личностные образования. Характер преимущественно определяет способы поведения и особенности реагирования на внешние обстоятельства, формы выражения переживаний. Поэтому внимание исследователей все больше стало сосредотачиваться на мотивации поведения, особенно глубинной, на выявлении мотивов на бессознательном уровне. Были разработаны криминологические типологии, основанные на мотивах. При этом мотивационная типология не исключает характерологическую, важную и для теории, и для практики.

Мотив является сложным психологическим феноменом, и естественно, что существуют разные точки зрения по поводу того, что он собой представляет. Но не подлежит даже обсуждению мнение (оно распространено среди юристов), согласно которому мотивом является осознанное побуждение. Это мнение ошибочно, наукой давно установлен и бессознательный уровень мотивации человеческого поведения. Мотивы на этом уровне, формируемые, корректируемые на протяжении всей жизни, подчас в решающей степени определяют поступки человека. Поэтому можно выделить два уровня мотивации: “видимый” – внешний, осознанный, назовем его рациональным, “невидимый” – глубинный, бессознательный, назовем его смысловым. Последний и является носителем смысла поведения, т.е. содержит в себе ответ, ради чего оно реализуется, но для его обнаружения необходимо обладать специальными методами и навыками. Оба уровня мотивации могут действовать одновременно, сложно переплетаясь и взаимодействуя друг с другом. Так, разбойное нападение на видимом уровне мотивации может содержать в себе корыстные побуждения, на глубинном – стремление самоутверждения, продемонстрировать свою власть и силу путем физического и психического насилия. Вместе с тем ценности, добытые разбойным путем, тоже дают возможность самоутвердиться и показать себя.

Предлагаемая структура мотивации близка к известной в отечественной экологии схеме, согласно которой существуют два класса массивов: те, которые побуждают деятельность, придают ей личностный смысл, определяя ее (смыслообразующие мотивы), и те, которые играют только роль способствующих, побудительных факторов, не детерминирующих поведение (мотивы-стимулы) (13, с.202). Можно полагать, что мотивы-стимулы есть нечто временное, преходящее, во многом определяемое внешними обстоятельствами, но остающееся в русле данной личности. Тот уровень, который нами назван рациональным, не преходящ, постоянен, он всегда понятен самому субъекту и окружающим, в нем нет тайны. Ни одна из описанных здесь схем не противоречит другой, они способны взаимно обогащаться. Система мотивов человека является теми внутренними условиями, через которые действуют внешние факторы. В то же время мотивы связаны с потребностями, которые представляют собой состояния человека, создаваемые испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития. Потребность, создавая динамические предпосылки поведения, рождает и направляет активность через мотивы.

Различение уровней мотивации соответствует одной из важных концепций психологии о полимотивированности поведения. Однозначное определение в качестве мотивов таких явлений, как корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения, является грубым упрощением, а иногда и искажением истинной природы преступного деяния. Между тем подобные определения мотивов господствуют в следственных документах и приговорах, причем если мотивы совсем не ясны, в них всегда фигурируют хулиганские побуждения, хотя побуждения и мотивы не одно и то же. Но так учат в высших юридических учебных заведениях наших следователей, прокуроров и судей, о бессознательных мотивах и полимотивации они ничего или почти ничего не знают. Это наносит существенный ущерб делу борьбы с преступностью, поскольку при отсутствии знаний о действительных мотивах поступков невозможно оказывать эффективное индивидуальное воздействие на преступников, осуществлять психокоррекционные мероприятия. Вместе с тем некоторая осторожность в обращении с мотивами, конечно, нужна, особенно в тех случаях, когда специалист-психолог не привлекается в качестве консультанта или эксперта. Данное обстоятельство не освобождает от необходимости внедрять в решение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем достижения современной психологии.

А.Н.Леонтьев считал, что “факт существования актуально несознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого начала, таящегося в глубинах психики. Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемые и сознаваемые мотивы не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее системы” (13, с.204).

Нисколько не желая критиковать деятельностьную теорию А.Н.Леонтьева, по поводу процитированного тем не менее представляется целесообразным высказать ряд критических замечаний.

Во-первых, не следует думать, что несознаваемые мотивы, как и в целом вся сфера бессознательного, вовсе не выражают собой особое начало, таящееся в глубинах психики. Бессознательное как раз и таится в глубинах психики, в Тени, пользуясь терминологией К.Г.Юнга (23, с.182-183). Оно может отражать и не только реальное актуальное бытие, но и включать в себя ту часть коллективного бессознательного, которое присвоено, унаследовано психикой данного человека.

Во-вторых, трудно согласиться с тем, что несознаваемое и сознательное не противостоят друг другу. Между ними, конечно, существуют взаимное сотрудничество и согласие, но есть и активное противодействие и противоборство. Например, бессознательные влечения в результате борьбы могут вытесняться, блокироваться, даже разрушаться моральными запретами, вписанными в сознание.

Нельзя присоединиться к утверждению А.Н.Леонтьева, что “осознание мотивов есть явление вторичное, возникающее на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития. Для совсем маленьких детей этой задачи просто не существует” (13, с.205). Несомненно, для совсем маленьких детей действительно нет подобной задачи. Но она весьма актуальна для общества (общности), государства, которые обычно не способны понять, осознать, какие в действительности мотивы движут ими, каков глубинный смысл их решений, требований, действий. Например, так называемый советский народ и сталинская государственная машина вряд ли хотя бы отдаленно понимали, в чем подлинный смысл их деструкции, беспрецедентного, бескрайнего насилия.

В одном из более ранних трудов (коллективная монография “Криминальная мотивация”, 1986) Е.Г.Самовичевым и автором настоящей работы была предпринята попытка типологизации бессознательных мо-

тивов преступного поведения. С учетом результатов дальнейших исследований можно предложить следующее видение рассматриваемой проблемы.

Первая категория таких мотивов связана с типом личности.

Среди лиц данной категории можно выделить три типа:

– лиц, у которых наблюдается спонтанное повышение напряженности агрессивного аффекта, что может выражаться в более или менее агрессивных действиях. Они часто осознаются и рационализируются в форме реакции “справедливого негодования”;

– лиц, которые отличаются частой сменой настроения, психической активности, склонностью к острым эмоциональным впечатлениям. Последнее может проявляться в дерзком хулиганстве и нанесении телесных повреждений, но также и в социально приемлемых формах, например, в занятиях спортом, сопряженных с высокой степенью риска для жизни;

– лиц, которым свойственна переоценка собственной значимости в сочетании с агрессивной концепцией социальной среды и различными формами защиты от мнимого нападения.

В указанных типах неосознаваемой доминантой является сама психологическая структура личности. Она для них в качестве целостности неосознаваема принципиально, хотя человек и может знать о тех или иных особенностях своего характера. Указанные субъективно-личностные структуры срабатывают не только в декомпенсирующих, неадекватных ситуациях, но и в условиях стандартных повседневных контактов. Так, лицо параноидального типа (их среди насильственных преступников, особенно убийц достаточно много) всегда найдет, к чему придраться, и спровоцирует конфликт.

Вторая категория неосознаваемых мотивов поведения связана с блокированием возможности проявления своей личности при наличии высокой субъективной потребности в таких проявлениях. Это может быть связано с ощущением своей неполноценности, ущемленности, невостребованности, что приводит к тяжким переживаниям, затрудненности, а иногда и невозможности самопроятия. Поведение может носить компенсаторный и даже гиперкомпенсаторный характер, выражаться в браваре, рискованных или (и) насильственных действиях.

В некоторых случаях при блокировании актуальных потребностей и стремлений возможно смещение реакции с адекватного на замещающий объект.

Третья категория неосознаваемых мотивов связана с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму “впечатления” (импринтинга) травматического опыта. О нем и механизмах его проявления у взрослого человека подробно будет сказано ниже. Здесь же следует отметить, что унижения, несправедливое, жестокое обращение оставляют свой отпечаток в эмоциональной сфере личности. Однако связь между таким опытом и актуальным поведением обычно не осознается. Определяющее влияние негативных впечатлений детства на поведение неоднократно наблюдалось при исследовании таких преступлений, как убийства детей и подростков, насилие, в том числе сексуальное, в отношении немолодых женщин.

Четвертую категорию бессознательных мотивов преступного поведения составляют патологические особенности личности. Однако следует подчеркнуть, что такие особенности сами по себе не являются мотивами и, вырванные из контекста личности, не в состоянии объяснить поведение. Поэтому констатация даже психического заболевания не служит достаточной основой для формирования позиции относительно природы преступных действий.

Пятая категория неосознаваемых мотивов преступного поведения представляет собой результаты нарушений процессов формирования мотивов с задержкой на стадии амбивалентности (двойственности, противоречивости желаний). Это может быть связано с расстройствами психической деятельности и проявляться в виде настойчивого желания реализовать негативное влечение. Тогда человек способен совершить поступок, который сам же расценивает как совершенно недопустимый.

В качестве иллюстрации бессознательной мотивации приведем следующий случай, изученный профессором Е.Г.Самовичевым и автором настоящей работы.

Осужденный, 18 лет, ранее дважды судим за разбой, а затем за управление мотоциклом и автомобилем в нетрезвом состоянии и оказание сопротивления сотрудникам милиции, отбывает наказание в третий раз за убийство с особой жестокостью (из хулиганских побуждений), как определено судом.

Рассмотрим лишь последний элемент этой совокупности преступлений М. Фабула его такова. Будучи в нетрезвом состоянии, около полуночи, недалеко от своего дома, М. встретил гражданку Л., 67 лет, которая тоже была в нетрезвом состоянии. М. затащил ее между двумя гаражами, повалил на землю, разорвал одежду, стащил до колен рейтузы, закрывая при этом ей рот рукой. Затем ввел свою руку в ее по-

ловые органы, разорвал ей влагалище, промежность, прямую кишку и вытащил их наружу. Л. была еще жива и стонала от боли. Тогда М. имевшимся у него ножом ударил ее в область грудной клетки, от чего Л. скончалась на месте. Уже у мертвой Л. М. отрезал ножом правую грудь и выбросил ее, а затем ушел домой спать.

На суде свою вину в убийстве опровергал, в процессе следствия признавался, но часто менял показания.

С 13 лет состоит на учете в милиции, постоянно пьянствует.

Во время беседы вину в убийстве отрицал.

Из биографических данных удалось выяснить следующее. В семье четыре брата. Двоюродный брат, с которым вместе росли, осужден за убийство. Отец часто пил и хулиганил в семье, за что мать отправляла его в милицию “на сутки”.

Занимался боксом. Часто участвовал в драках, избивал людей, при этом никогда не задумывался об их состоянии. Говорит, что у него было много друзей.

С девушками в интимных отношениях никогда не состоял (объясняет это тем, что “я просить не умею”), но имел подружку на два года старше М., которая якобы была ему безразлична. Однако имеющиеся материалы по делу полностью опровергают это.

Отмечает у себя в детстве снохождение и сноговорение, которое наблюдается и сейчас.

В беседе активно уходит от обсуждения темы своего преступления, отрицает свою вину, не проявляет никаких признаков раскаяния. По поводу убийства вспоминает, что мать ему сказала: “Если это сделал ты, то ты пойдешь лучше под поезд бросайся, и все”. (Эта фраза звучит в контексте отрицания своей вины.) О своих действиях говорит в приподнятом тоне, с улыбкой.

Согласно выбранной схеме анализа, данное действие адекватно субъективной модели объекта действия, а само действие выражает некоторую интенцию личности М. Эта адекватная модель предусматривает возможность подобного действия. В рассматриваемом случае М. “видит” потерпевшую как женщину, которую “надо” лишить признаков пола, и в данный момент это оказывается возможным. Элементы “необходимо” и “возможно” входят в содержание субъективной модели М. Следовательно, согласно модели М., половые признаки жертвы противоречат содержанию модели, конфронтируют с ней.

Модель: женщина без признаков пола.

С другой стороны, в момент преступления признаки пола фрустрируют удовлетворение субъективной потенции личности М. Интенсивность потребности такова, что ее может удовлетворить только действие мщения женщине посредством уничтожения ее половых признаков. Они символизируют объект, недостижимый и очень желанный, а поэтому психотравмирующий. Его уничтожение имело своей целью ликвидацию источника психотравмы.

В данном преступлении обращает на себя внимание прежде всего его направленность на женские признаки пола. М. уничтожает женские половые признаки, фактически десексуализирует женщину. При этом не имеет значения, преследовал ли он данную цель или нет, важно, что он это фактически делает. Уже из внешнего содержания действий М. можно предположить, что женские половые признаки являются для него фрустратором какой-то потребности, непреодолимым препятствием на пути к удовлетворению этих потребностей, и М. не располагает другими способами преодоления этого препятствия, кроме как физического их уничтожения.

Для обоснования этой гипотезы представляются значимыми следующие факты.

1. Из материалов дела известно, что до момента убийства М. несколько раз заходил к своей подруге Зое, но ее отец говорил ему, что Зои нет дома. Придя к ней в очередной раз, он услышал от ее отца, что “она уехала, ее вообще нет в городе”.

2. У М. на руке была татуировка “Зоя”.

3. Неспособность устанавливать контакты (интимные) с женщинами, которая служит постоянным источником глубоких переживаний, связанных с сознанием своей мужской несостоятельности.

4. Ярко выраженная агрессивность.

5. Наличие ножа в день убийства.

Рассмотрим каждый из этих фактов отдельно.

Наиболее характерным из всех является татуировка “Зоя”. Этот факт в символической форме выражает следующие личностные тенденции М.:

- а) состояние постоянной связанности с Зоей, в основе которого лежит глубокая потребность в интимном, межличностном контакте (что вполне естественно для юноши 17 лет);

- б) тенденция к подчинению женщине (Зое), выраженная в символической форме; потребность поставить себя в позицию личного повинно-

вения ей; фактически – это фетишизация женщины и патологическая зависимость от нее (символическая идентификация);

в) символическое удовлетворение потребностей в подчинении путем причинения себе физических страданий (посредством накалывания имени “Зоя”). В этом акте выражается весьма глубокая неосознаваемая личностная тенденция М. к достижению контакта с женщиной через физическое подчинение ей.

Татуировка “Зоя” может быть интерпретирована и как символическое обладание объектом чрезвычайно актуальной потребности. Впрочем, одна интерпретация не исключает другой. Таким образом, наличие у М. татуировки “Зоя” говорит о глубоком блокировании у него потребности в интимных отношениях, неспособности к ее естественному удовлетворению, что и порождает фетишизацию, символизацию этой потребности и ставит М. в патологическую зависимость от нее.

Из сказанного следует, что выраженная агрессивность М. сопряжена с противоположной чертой – с тенденцией к подчинению.

В день убийства М. несколько раз заходил к Зое, но так и не встретился с ней. Логично допустить, что эти приходы аккумулировали аффект, возможность контролирования которого резко снижалась действием алкоголя. Аккумулированный аффект в итоге разряжается на потерпевшую Л. По существу, М. уничтожает женские половые органы как фрустратор своей потребности в интимных отношениях. Примечательно, что он не пытается удовлетворить эту потребность естественным путем (попыток изнасилования не было), а уничтожает свой фетиш. Отрезание груди и ее отбрасывание от себя имеет тот же символический смысл. Вместе с тем, очевидно, что символизация не является замещенной формой удовлетворения сексуальной потребности, т.е. потребность не удовлетворяется, она лишь объективируется в образе женщины и ее половых признаков. Действия в отношении потерпевшей Л. показывают, что для М. естественная форма удовлетворения сексуальной потребности уже становится невозможной, и он вместо ее удовлетворения уничтожает объект потребности не как потенциально способный дать ее удовлетворение, а как мешающий ее удовлетворению и приносящий только страдания.

В случае с М. фактически происходит инверсия объекта потребности: из предназначенного для ее удовлетворения он трансформируется в предназначенный для ее фрустрирования. Основным поэтому остается вопрос о психологической динамике этой трансформации.

Известно, что сексуальная функция, включаясь в определенном возрасте, в норме должна найти объект своего удовлетворения. Однако достижение этого объекта требует владения определенными, чисто социальными, способами, приемами установления контактов с женщиной. Удовлетворение сексуальной потребности резко затрудняется, если мужчина не владеет ими. В литературе существует описание многих способов, к которым бессознательно или осознаваемо прибегает индивид для того, чтобы либо подавить, затормозить акт удовлетворения потребности, либо найти способ ее замещающего удовлетворения, без необходимости предварительного установления контакта с женщиной.

С другой стороны, известно, что индивид, не имеющий возможности удовлетворить свою потребность (при достаточной интенсивности последней), попадает в патологическую зависимость от объекта этой потребности. При этом он может не осознавать этой зависимости, но она неизбежно будет проявляться в его отношении и способах поведения с соответствующим объектом.

В случае М. мы наблюдаем отсутствие способности устанавливать контакт с женщиной с целью удовлетворения сексуальной потребности. Однако М. не формирует и замещающих способов ее удовлетворения, не формирует защищающих объектов. Он попадает в патологическую зависимость от естественного объекта сексуальной потребности. При этом наиболее важным является то обстоятельство, что М. не пытается найти способ естественного удовлетворения своей потребности, но фактически культивирует в себе ее хроническую фрустрацию. Стало быть, можно полагать, что у М. существует мотивация, блокирующая поиск естественных форм удовлетворения сексуальной потребности и вынуждающая его находиться в состоянии ее хронической фрустрации. Эта неосознаваемая мотивация доводит его до такого уровня напряженности, когда фрустратор уже должен быть уничтожен. Нож в кармане М. в день убийства свидетельствует о том, что он был внутренне готов к этому, но не к удовлетворению потребности, а к уничтожению ее объекта.

Состояние хронической сексуальной фрустрированности – закономерно для М., переживание этой фрустрации – также неизбежное для М. состояние. Убийство Л. – это естественное для М. завершение психологической динамики его сексуальной потребности.

В приведенных выше данных следует обратить внимание на одну произнесенную им фразу: после совершения убийства мать сказала ему: “Если это сделал ты, то ты пойдешь лучше под поезд бросайся, и все”. М. приводит эту фразу в свое оправдание, в обоснование своей непричаст-

ности к убийству, полагая, что раз он не бросился под поезд по совету матери, значит это сделал не он.

Он рассматривает мать как высшую инстанцию оценки его действия: “Если мать скажет – бросайся под поезд, то я брошусь”. Здесь мы снова встречаемся с темой подчинения женщине и физического страдания (как при татуировке). Таким образом, в этой фразе содержится информация об определенном неосознаваемом отношении М. к матери.

С другой стороны, эта фраза приписывается матери и может характеризовать ее отношение к М. (конечно, так, как оно им переживается и осознается). Исходя из сказанного, можно констатировать следующее. Прежде всего, мать М. не исключает с его стороны возможности совершения такого действия. Следовательно, у нее для этого есть какие-то осознаваемые или неосознаваемые основания. Поскольку преступление носит явно выраженный сексуальный характер, можно полагать, что мать М. каким-то образом чувствует сексуальную неадекватность сына, которая потенциально может привести его к таким действиям. При этом она советует ему броситься под поезд. В высказываниях М. ничего не говорится о стремлении матери как-то осознать, осмыслить возможность совершения ее сыном таких действий, ее желании защитить его, разделить с ним его переживания, попытке отрицания факта совершения им этого деяния и пр. В его высказывании и, следовательно, в сознании внутрисемейный резонанс зверского убийства концентрируется во фразе “Если это сделал ты, то ты пойди лучше под поезд бросайся, и все”. Создается впечатление, что лучшее, что сын может сделать в данной ситуации, – это броситься под поезд.

Однако несмотря на доказанность виновности М. в совершенном убийстве, он не следует совету матери, под поезд не бросается и активно отрицает свою вину. Трудно сказать, отрицает ли он свою вину для того, чтобы не следовать совету матери, или по каким-либо другим мотивам. При этом наблюдается полное отсутствие идентификации М. со своим действием. Можно предполагать, что одним из элементов мотивации отрицания вины со стороны М. является его тенденция к подчинению женщине, которая в данном случае должна привести его “под поезд”.

С другой стороны, мать, чтобы произнести такую фразу, должна идентифицировать себя и с поступком, и с личностью своего сына, и испытывать при этом чувство вины. Мать ощущает в себе склонность к состояниям, которые могут привести к убийству и самоубийству. Следует, однако, отметить, что сын не бросается под поезд и отрицает свою виновность в убийстве.

Из вышесказанного можно допустить, что сын открыто демонстрирует то, что скрыто чувствует в себе мать, но мать каким-то образом контролирует свои субъективные тенденции, сын же их отрицает.

Мать, вероятно, осознает свою причастность к действию сына, взаимосвязь его личности со своей, то же самое относится и к сыну (М.). Становится очевидным, что анализируемая фраза, высказанная матерью как аргумент, субъективно для М. в пользу его невиновности – не случайна. (“Если бы мать была права, то я бы бросился под поезд, но она не права, поэтому я не бросился под поезд”.) Сын отрицает свое сходство с матерью, так как фактически отрицает ее совет, данный ею с позиции идентифицированности с сыном, он отрицает идентифицированность с матерью.

Из сказанного следует, что М. сочетает в себе противоположные тенденции: тенденцию к подчинению женщине (во многом неосознаваемую) и тенденцию к отрицанию этого подчинения. Этот элемент также входит в состав мотивации убийства как обосновывающий отрицание виновности М. в убийстве. Таким образом, в мотивации убийства можно видеть и протест против матери (вероятно, не случайно убитая была по возрасту пожилой женщиной).

Подводя итог сказанному, мы полагаем, что мотивации данного преступления М. включают в себя следующие элементы:

1. Культивирование хронической фрустрации сексуальной потребности.
2. Ригидную символизацию сексуальной потребности в женских половых признаках.
3. Субъективно-психологическую тенденцию к подчинению женщине.
4. Отсутствие навыков установления контактов с женщинами (точнее, наличие психологического барьера к установлению таких контактов).
5. Тенденцию к преодолению своей подчиненности женщине (отрицание подчинения).

Все эти элементы являются бессознательными и в совокупности определяют психологическую структуру и динамику данного преступления.

Таким образом, вывод суда о том, что М. совершил убийство из хулиганских побуждений, не имеет под собой никаких оснований.

Личность насильственного преступника как типа может быть определена как личность, для которой характерна приемлемость использо-

вания насилия для достижения субъективно необходимого результата – удовлетворения определенной потребности или разрешения проблемной ситуации. Такая приемлемость может иметь различную степень зрелости, определяя внутреннюю готовность совершения насильственного преступного деяния, способы и формы насилия, указывая на генезис этой готовности, а в ряде случаев и на выбор жертв.

Личность преступника в целом и личность насильственного преступника в частности как психологических типов отличает ряд особенностей. Об этом, например, свидетельствуют результаты исследования, проведенного В.П.Голубевым, Ю.Н.Кудряковым и автором настоящей работы с помощью Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ). Оказалось, что в значительной степени черты, присущие всем преступникам, выражены у убийц и лиц, нанеших тяжкие телесные повреждения. Профиль ММИЛ убийц имеет достоверное отличие от усредненного профиля всех преступников по шкалам L, F, K, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 0, т.е. по десяти из тринадцати показателей методики. Однако несмотря на сходство конфигураций, у убийц обнаружены выраженные однородные личностные свойства, которые определяются прежде всего пиками по шкалам F, 6, 8. Это, следовательно, люди, поведение которых в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях.

Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны и мнительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка складывающихся обстоятельств, так как она легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная сенситивность к элементам межличностного общения приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хоть малейшую угрозу для его личности.

Такие люди обладают достаточно устойчивыми представлениями, которые с трудом поддаются корригированию. Другими словами, если они имеют о ком-то или о чем-то свое мнение, то их сложно переубедить. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются как результат враждебных действий со стороны окружающих. В своих неудачах они склонны обвинять других, но не себя.

Наиболее чувствительны подобные субъекты к вопросам личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности. Под воздействием постоянного аффекта им часто кажется, что менее достойные индивиды пользуются большими правами и возможностями, чем

они. В связи с этим у них может возникнуть потребность защищать права, и они начинают играть роль “борца за справедливость”.

Значительное повышение по F и 8 шкалам говорит также о наличии у убийц и виновных в нанесении тяжелых телесных повреждений эмоциональных нарушений, социальной отчужденности и трудностях, связанных с аккумуляцией социальных норм. Такие лица совершают преступления чаще всего в связи с накопившимся аффектом, не видя или не желая видеть иного способа разрешения конфликта. Наделение других людей своими помыслами, ощущениями и действиями приводит к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, прибегая к насилию, преступник считает, что он защищает свою жизнь, свою честь, справедливость, а иногда и интересы других. Следовательно, их отличают чрезмерная стойкость аффекта и повышенная интерперсональная сенситивность, а также возможность возникновения реакций “короткого замыкания”.

Близко к убийцам по характеру и степени выраженности личностных свойств находятся грабители и разбойники. По шкалам 1, 3, 4, 9, 0, ММИЛ они отличаются от убийц большей выраженностью психологических свойств.

Эти корыстно-насильственные преступники так же, как и убийцы, составляют однородную группу с выраженными характерологическими признаками, содержание которых в основном определяется пиками по шкалам F, 4, 6, 8, 9. Значительное повышение по шкале 4 связано с такими свойствами, как импульсивность поведения, пренебрежение социальными нормами и агрессивность. Пик по шкале 6 усиливает агрессивность поведения за счет общей ригидности и стойкости аффекта. Повышение по шкале 8 показывает значительную отчужденность от социальной среды, в связи с чем снижается возможность адекватной оценки ситуации. Подъем по шкале 9 (имеет самое высокое значение среди исследованных нами групп преступников) означает повышение общего уровня активности и приводит к тому, что импульсивность и агрессивность поступков могут стать характерными чертами поведения.

Если поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями, то поведение корыстно-насильственных преступников определяется тенденцией к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляцией поведения, интеллектуального и волевого контроля. Таким образом, корыстно-насильственные преступники отличаются

ся от других наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью антисоциальных поступков.

§ 6. ТИПОЛОГИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Криминологи всегда понимали: чтобы лучше познать природу и истоки насилия вообще и преступного в особенности, необходимо осуществить типологизацию лиц, совершающих насильственные действия. Такие попытки предпринимались в криминологии неоднократно, одна из первых была осуществлена видным российским ученым Д.Дрилем еще в XIX в.

Д.Дриль прежде всего выделил тех, кто чувствует какое-то загадочное влечение к крови и проявляет поразительную склонность к совершению убийства. Мысль о нем в качестве средства как бы инстинктивно подсказывается им и возникает сама собой всякий раз, когда им приходится добиваться сложных и особо значимых для них целей, которых другие люди достигают иными средствами, не задумываясь при этом о лишении жизни лиц, стоящих на пути осуществления их желаний. Опыт учит, что влечение таких лиц к крови следует искать в сфере чувствований и в их извращениях, но не в беглых, мимолетно вспыхивающих и быстро проходящих чувствованиях, а в чувствованиях более постоянных и стойких, присущих данному индивиду.

Автор считает, что одной из важнейших составных частей самочувствия в общественном значении является половое, оно же и родовое чувство. Это чувство вдохновляет поэзию и литературу, часто двигает массами и участвует в наиболее возвышенных проявлениях души. Охватывая человека, оно порой временно перерождает его, делает как бы независимым от материальных условий, заставляет забывать обо всем, а иногда возвышает до удивительного героизма. Влияние родового или полового чувства на нравственно-умственную сферу особенно проявляется в период полового развития. Для криминологов особый интерес

представляет то, что в социальном отношении можно назвать извращением этого чувства и в чем надо искать основной и непосредственный источник некоторых видов преступности. Родовое чувство вызывает неудержимое влечение людей друг к другу, делает их способными радоваться чужой радостью и утешаться чужим счастьем. Оно же, видоизменяясь в своей чувственной окраске и выступая носителем злобного отвращения и ненависти, отталкивает людей друг от друга, заставляет одного наслаждаться неудачами, горем и страданием других.

Сущность данной концепции Д.Дриля во многом сводится к тому, что повышенному половому возбуждению нередко бывает “присущ элемент того острого раздражения, которое окрашивается злобным оттенком и самый последующий акт отличается более или менее судорожным характером”. Некоторые остаются сравнительно холодны, тогда как возбуждение у других достигает крайних пределов, ослабляя и понижая ясность сознания и мыслительных процессов. Под влиянием возбуждения развивается напряженное влечение причинять боль, грызть, рвать, щипать и даже душить. Чувство боли у некоторых субъектов во время полового возбуждения утрачивается или сильно ослабляется, другим боль приносит сильное удовлетворение.

Еще более четко, по мнению Д.Дриля, проявляется связь между оттенками половых чувствований и склонностью убивать в случаях совершения убийств в целях удовлетворения своей страсти. В таких случаях вид человека, отказывающего в удовлетворении похотливых желаний, возбуждает только злобно-жестокое раздражение с оттенком кровожадности, которое легко и как-то само собой подсказывает мысль об убийстве и своей субъективной окраской облегчает его, не оставляя места ни жалости, ни сострадания к жертве. В качестве примера приводятся сочинения де Сада, который создал теорию кровавых наслаждений и утверждал, что при половых удовлетворениях наслаждения одной стороны всегда должны соизмеряться со страданиями другой. Разительный пример представляет и маршал Франции де Рец, который во время “своих оргий перерезал для окривления разврата более 800 детей”. На вопрос президента суда он ответил, что действовал “по влечению сладострастия и что мучительство детей доставляло невыразимое наслаждение”. Однако влечение к крови и мучительству не всегда сопровождает половой акт и не всегда “загорается в момент его”, а иногда следует за ним. Такие проявления наблюдались у египетской царицы Клеопатры, которая умерщвляла своих любовников уже после полового сожителства с ними.

Д.Дриль делает вывод, к которому пришли затем и многие другие исследователи: действия, вызываемые влечением к крови и мучительству, влекут за собой половое удовлетворение со всеми его последствиями, как бы замещают собой половой акт. Половая система есть тот первичный центр, из которого исходят раздражения и в котором берут начало особые оттенки самочувствия, служащие основанием кровожадных настроений, влечений к крови, мучительству и убийству. Такие влечения совсем не исключают размышлений, выбора, тщательной оценки окружающих условий и выжиданий благоприятного момента для осуществления планов.

Следующий тип насильственного преступника, описанный Д.Дрилем, составляют те, кто “избирает убийство в качестве способа для приобретения средств к жизни и к покупке ее разнообразных наслаждений, действуя при этом с жестокостью и кровожадностью, но у кого похотливость и стремление к ее удовлетворению не является самым сильнейшим и почти единственным стимулом”. Те или другие особенности их жизненного положения порождают в них желание выйти из него, достигнуть иного статуса. Поэтому жажда удовлетворения этого желания порождает возбуждение и злобное раздражение.

Таковы два основных типа убийц, заключает Д.Дриль, между ними множество “промежуточных, постоянно видоизменяющихся явлений, но близкое сродство всех описанных явлений бросается в глаза” (10, с.185-241).

Наблюдения и выводы Д.Дриля, особенно по поводу садизма и мазохизма (эти термины он, естественно, не использовал), отчасти совпадают с современными научными представлениями, но в целом они больше интуитивны и не основаны на собственных эмпирических изысканиях. В работе отсутствуют какие-либо выборочные статистические данные, все примеры взяты только из литературы. Тем не менее это одна из первых криминологических типологий убийц. Ее ценность, однако, не только в этом, она содержит тонкие наблюдения и обоснованное суждение. Впоследствии такие попытки повторялись с большим или меньшим успехом. Наиболее успешны и не потеряли своей актуальности по сей день типологические исследования С.В.Познышева. В его фундаментальном труде “Криминальная психология. Преступные типы” разработана типология всех преступников, но прежде всего и в основном она относится к тем, кто совершил преступления против личности. С.В.Познышев исходит из существования преступного типа вообще. По его мнению, “он представляет собой такой склад личности, ее мышления

и характера, который или обуславливает недостаточную активность этой личности, направленную к тому, чтобы устранить более или менее серьезные затруднения или лишения не прибегая, как к средству, к преступлению, или прямо предрасполагает человека к тому, чтобы выбирать средством для удовлетворения известных потребностей определенное преступление”. Преступный тип является, по С.В.Познышеву, мерилом “опасного состояния лица”, под которым следует понимать ряд различных состояний. Нельзя быть вообще опасным или находиться в состоянии вообще опасном. “К сфере криминальной психологии и уголовного правосудия относятся лишь те опасные состояния, которые выливаются в формы определенных преступных типов и таят в себе вероятность тех или иных преступлений. Наказывая человека за известные преступления, судья должен принимать во внимание не какое-то вообще опасное состояние личности, а тот преступный тип, носителем которого является подсудимый” (16).

Как мы видим, под преступным типом С.В.Познышев понимал опасное состояние человека. Такая точка зрения имеет право на существование, но ее следовало бы уточнить. По-видимому, преступный тип – это некоторая совокупность личностных особенностей, предрасполагающих к преступному поведению, причем эта предрасположенность может быть и не реализована. Под личностными особенностями следует понимать некоторые психологические характеристики, комплекс которых, как показывают эмпирические исследования, присущ преступникам, в наибольшей степени – насильственным, а среди них – убийцам. Именно перечисленные обстоятельства позволяют, по нашему мнению, говорить о преступном типе или о личности преступника. Однако не каждый человек, совершивший преступление, даже насильственное, обладает чертами, присущими преступникам как социальному или психологическому типу или личности преступника вообще. С.В.Познышев решительно выступал против понятий “случайный” и “привычный” преступник. Он предложил различать два типа преступников: эндогенный и экзогенный.

“У эндогенного преступника появившийся в сознании криминальный комплекс в виде желания совершить преступление находится в связи с взглядами и склонностями, сопровождаемыми однородным эмоциональным тоном. Эти родственные данному желанию взгляды или склонности являются теми проложенными в конституции личности внутренними ходами, по которым преступная мысль достигает более или менее быстрого развития в преступную решимость” (16, с.38).

“У экзогенного преступника отдельный криминогенный комплекс – в виде мысли об известном преступлении, соединенный с желанием его совершить – становится центром ассоциаций и получает господство в сознании благодаря тому, что человек находится не в обычном своем состоянии, а в состоянии исключительном, под давлением известного внешнего события, причиняющего или грозящего причинить ему или кому-либо из его близких серьезные страдания. Стремление к преступлению возникает и развивается у него благодаря более или менее живому предощущению того облегчения своего положения, которое он может получить путем преступления” (16, с.63).

Таким образом, центр причинения преступных действий С.В.Познышев видит либо в самой личности, либо во внешних обстоятельствах. Однако отметим, что и представителей второго типа отличает ослабление “морального тонуса”. Следовательно, и здесь поведенческий стимул отчасти находится в человеке. Это дало автору право решительно высказаться против теории о случайных и привычных преступниках. Но помимо основных эндогенного и экзогенного типов С.В.Познышев тщательно анализирует еще несколько типов. Прежде всего, им описан и объяснен импульсивный тип, к которому отнесены лица, которые ценою преступления хотели купить отдельное чувственное удовольствие, удовлетворить потребность данной минуты, не заглядывая в будущее, всецело отдаваясь вспыхнувшему в них чувственному импульсу. О моральной и социальной оценке они не думали и не думают. Кроме импульсивного типа выделен еще и эмоциональный, к которому отнесены индивиды, совершившие преступление главным образом ради удовлетворения определенного чувства. Оно достигает такой напряженности и порождает такие сильные стимулы к совершению преступления, сдерживать которые такие лица не способны.

Достаточно подробно исследован также расчетливо-рассудочный тип. К нему С.В.Познышевым отнесены те люди, которые, поставив себе целью достижение определенного положения – служебного, социального, имущественного, семейного – или известной роли в обществе, ради этой цели своей жизни совершают преступление. Оно, по их расчетам, поможет им достигнуть данную цель или, устранив стоящее на пути препятствие, приблизит ее осуществление. Казалось бы, для иллюстрации данного типа больше всего подходили бы корыстные преступники. Однако и здесь С.В.Познышев говорит о тех, кто прибег к преступному насилию.

Разумеется, современная криминология не могла обойти вопрос о типологии преступников вообще и насильственных в частности. Правда,

отдельные авторы ставили знак равенства между типологией и классификацией, что является грубой ошибкой методологического характера. Их необходимо различать. Оба эти метода познания, каждый по-своему, дают возможность проникнуть в сущность тех или иных явлений. Поэтому нужно четко представлять себе их содержание, назначение и функции.

Одна из самых продуманных типологий насильственных преступников принадлежит Э.Ф.Побегайло, который выделяет три основных типа по характеру их антиобщественной направленности.

1. Преступники с четко и устойчиво выраженной специфической (агрессивно-насильственной) антиобщественной направленностью. Они ориентированы на поведение, опасное для жизни, здоровья и достоинство других людей, убеждены в допустимости насилия. Их стереотип – результат глубокой деформации личности. По данным названного автора, такие лица составляют примерно половину из числа осужденных за преступное насилие. В целом же они могут быть разделены на две подгруппы:

– лиц, у которых агрессивная направленность носит столь глубоко укоренившийся, доминирующий, злостный характер, что их преступные действия в значительной мере утрачивают ситуационный характер. Они жестоки, озлоблены, морально нечувствительны, циничны, бездушны, среди них вероятен специальный рецидив. Их доля – 10-15%;

– лиц, у которых агрессивная направленность вызывает совершение преступления в сочетании с конфликтной ситуацией. Это, как правило, эмоционально распушенные, ведущие антиобщественный образ жизни, неуравновешенные люди. Мотивация у них связана с раздражением, злостью, местью, завистью и т.п. Достаточен незначительный повод, чтобы примитивный стереотип самоутверждения, связанный с применением силы, воплотился в преступном посягательстве, причем они нередко провоцируют криминогенную ситуацию. Их доля среди представителей первой группы составляет 35-40%.

2. Лица, характеризующиеся в целом отрицательно, допускавшие и ранее различные правонарушения, но направленность которых на совершение посягательств против личности явно не выражена. Насилие для них нередко становится средством достижения особо значимых целей, способом завладения определенным благом. Данный тип (его доля среди изученного контингента всех насильственных преступников составила 20%) обозначен Э.Ф.Побегайло как “проме-жуточный”.

3. Ситуационные, случайные преступники – это те, которые ранее характеризовались положительно или нейтрально, а само насилие учинили впервые под воздействием неблагоприятной ситуации. Они применяют насилие в качестве реакции на ситуацию, которую воспринимают как остроконфликтную. Среди обследованных таких лиц оказалось примерно 30% (11, с.444-445).

С помощью Методики патохарактерологического исследования подростков, разработанной А.В.Личко и предназначенной для определения акцентуаций среди них, Е.Г.Самовичев обследовал группу несовершеннолетних – убийц. Среди них он выделил три ее новых типа:

– эпилептоидный, основными чертами которого является склонность к возникновению злобно-тоскливого настроения с накапливающим раздражением и поиском объекта, на котором можно “сорвать зло”. В рамках этого типа можно отметить напряженность сферы инстинктов и прежде всего полового, стремление к доминированию, а также вязкость, тугоподвижность, тяжеловесность, инертность;

– истероидный, который характеризуется позициями крайнего эгоцентризма с непомерной жадой постоянного внимания к себе со стороны других людей.

На третьем по значимости месте стоят три статистически неразличимые между собой акцентуации гипертимного, лабильного и неустойчивого типов. В совокупности все указанные особенности составляют 50% всех психологических особенностей личности, выделяемых с помощью названной методики.

Черты гипертимного, лабильного и неустойчивого типов в основном связаны с динамическими особенностями эмоциональных состояний. Так, для гипертимного типа главной особенностью является повышенный жизненный тонус, приподнятое настроение, для лабильного – резкая изменчивость настроения, для неустойчивого – выраженная зависимость от внешних стимуляций, поиск ситуаций, порождающих специфические состояния эмоционального удовлетворения, носящие характер “острых удовольствий”. В этих трех акцентуациях Е.Г.Самовичев выделяет общее для них – тенденцию к регуляции поведения на биологическом уровне, главной особенностью которого является неустойчивый гомеостазис (лабильность) с тенденцией к смещению в сторону повышения напряженности (гипертимность) к поиску соответствующей стимуляции (неустойчивость). Отсюда следует сделать вывод о весьма низком уровне социализации подобных лиц (17, с.48-49).

Весьма содержательную типологию насильственных преступников предложили И.А.Кудрявцев и Н.А.Рапинова. Ее отличают тонкий психологический анализ и обстоятельное описание деталей, переходных нюансов, количественных выражений. Название отдельных типов (групп) дано авторами в соответствии с характером агрессии представителей каждого типа.

1. Смысловая агрессия. Соответствующий тип составили лица, совершившие насильственные преступления в состоянии слабо выраженного эмоционального напряжения либо в относительно нейтральном состоянии. Эти субъекты отличались антисоциальной или асоциальной личностной направленностью, преимущественной ориентацией на собственные интересы и потребности. Им присущи черты аффективной ригидности, сочетание злопамятности с выраженной неустойчивостью эмоциональных проявлений, легкостью возникновения всплеск раздражения, злости. При этом актуализировавшиеся деструктивные побуждения такие люди не старались сдерживать и контролировать. Они стремились к самооправданию и переложению ответственности и вины на других. В целом их криминальная активность обладала всеми признаками, характерными для осознанной произвольной деятельности, носившей целесообразный характер.

2. Функционально-утилитарная агрессия. Ее носители, как и представители первой группы, предпочитали силовые, конфронтационные решения, отношение к окружающим отличалось враждебностью и подозрительностью. Кроме того, у них низок уровень эмоциональной устойчивости; агрессивный вариант межличностного взаимодействия был не единственно доступным им, а предпочтительным. Ситуация преступления отличалась травматичностью, но не была субъективно безвыходной. Субъекты даже при незначительном ущемлении их интересов осознанно выбирали агрессивный способ разрешения конфликта как наиболее приемлемый. Их агрессия была утилитарной, обладала скорее инструментальной ценностью.

3. Привычно-неконтролируемая агрессия. Характеризуемые ею лица отличались дефектами эмоционально-волевой сферы, слабым самоконтролем. При низком пороге фрустрации они легко раздражались, были неустойчивы с чертами аффективной ригидности. Поверхностно ориентированы в социальных нормах. Происходящее с ними склонны воспринимать как независящее от их воли стечение обстоятельств; их поведение строилось под влиянием ситуативно возникавших импульсов и побуждений, являлось скорее аффективно обусловленным, нежели ра-

ционально спланированным. Они прямолинейны, негибки, мало способны к конструктивному анализу сложных ситуаций.

4. Ситуативно-оборонительная агрессия. Для лиц, склонных к такой агрессии, определяющую роль приобретал фактор ситуации. Они достаточно ориентированы в правилах поведения, склонны к опосредованным действиям. Уровень их агрессивности соответствует среднестатистическим значениям, сочетание аффективной ригидности со сниженной эмоциональной устойчивостью не очень выражено. В целом эти лица способны к дифференцированному, адаптивному и опосредованному поведению, сбой у них происходил лишь в экстремальных, остротравматичных, стрессовых ситуациях, при которых угроза наиболее значимым для них ценностям возникала неожиданно и носила выраженный характер. Поэтому собственное насильственное действие воспринималось ими как субъективно оправданное.

5. Агрессия, обусловленная аффективной целью. Соответствующая группа включила в себя преступников, прибегнувших к насилию в состоянии сильного эмоционального возбуждения. Такие лица отличались просоциальной направленностью и низкой агрессивностью, в конфликтах стремились найти компромисс, но обладали сниженной эмоциональной устойчивостью и слабой стрессовой толерантностью. Инициатива в обострении конфликтов обычно принадлежала потерпевшим. У обследованных нарушались операциональное обеспечение поставленной цели, селективность выбора средств и способов ее достижения, они носили полевой, зачастую аварийный, крайне деструктивный характер. Сознание было сужено, фиксировано на аффектогенном объекте, причем некоторые элементы ситуации, не связанные непосредственно с ним, выпадали из поля восприятия.

6. Катастрофическая агрессия. Группу с такой агрессией составили лица, реализовавшие агрессию в состоянии сильного эмоционального возбуждения, вызванного противоправными действиями жертв. Виновные характеризовались высоким уровнем просоциальности и наименее низким, по сравнению со всеми другими обследованными, уровнем агрессивности. Но им свойственны аффективная ригидность, длительное накопление отрицательных переживаний, фиксация на них. Ресурсы самоконтроля достаточно ограничены, но отчетливо проявляется стремление соотносить свое поведение с конвенциональными нормами. Агрессия реализовывалась в экстремальных ситуациях – витально опасных либо угрожающих значимым ценностям. В отличие от представителей предыдущей группы, лица данного типа дольше сохраняли самоконтроль, вы-

держивали большие эмоциональные нагрузки, “держались до последнего”, используя все имеющиеся ресурсы самообладания. В дальнейшем срыв носил более глубокий и разрушительный характер.

7. Агрессия, обусловленная неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов. Тип личности преступника с названным видом агрессии занимает, по мнению авторов, особое место в их выборке. Эту группу можно назвать гомогенной, поскольку в отличие от других ее члены связаны общностью социально-профессиональных характеристик. Ее составили кадровые военные, сотрудники правоохранительных органов, спецподразделений, а также лица, проходившие службу в армии в условиях боевых действий. Все эти субъекты характеризуются: просоциальной направленностью; эмоциональной устойчивостью; обостренным самолюбием, обидчивостью, склонностью к накоплению отрицательных переживаний; способностью к принятию ответственности; тенденцией к регламентации и иерархизации межличностных контактов, а также обладают высоким уровнем агрессивности. Преступления совершены ими в острых конфликтах при нарушении осмысления происходивших событий, утрате мотивообразности, формировании ситуативно обусловленной аффективно насыщенной цели (12, с.115-131).

Агрессию невозможно понять без мотивов, но ее нельзя объяснить (особенно на индивидуальном уровне) и без “Я”-концепции. Она является системой представлений личности о самом себе, включая реальное “Я” (представление о себе в настоящее время) и идеальное “Я” (то, каким человек, по его мнению, должен был бы стать). Это – и ощущения своей ценности, предназначенности, своих социальных статусов, возможностей, на которых строится взаимодействие с другими людьми и отношение к себе. “Я”-концепция начинает формироваться с детства в процессе социально-психологического общения лица с другими людьми и есть, в сущности, основа его мировосприятия.

Р.Бернс рассматривает “Я”-концепцию как свойственный каждому индивиду набор установок, направленных на самого себя. Р.Бернс ссылается на исследования У.Джемса, который постулировал различие двух аспектов, свойственных интегральному “Я”: “Я” – сознающее – рефлексивно-процессуальное и “Я” – как объект – содержание сознания, в котором, в свою очередь, можно выделить такие аспекты, как духовное “Я”, материальное “Я”, социальное “Я”, физическое “Я” (5, с.66).

Объяснительные возможности мотивов и “Я”-концепции были использованы в одной из наших работ для построения типологии лиц, виновных в изнасилованиях (1, с.70-178). Выявленные нами мотивы этих

преступлений соотносятся с двумя потребностями – доминирования (она близка к выделяемой в психологии потребности в самоутверждении) и отреагирования (в поведении могут отреагироваться, реализовываться, например, аффективные следы прошлого опыта, внутреннее напряжение и т.д.). Именно реализация этих двух потребностей и лежит в основе изнасилования. Конечно, в большинстве случаев удовлетворяется и сексуальная потребность, но она применительно к большинству изнасилований не является определяющей. Собственно сексуальная потребность образует видимые, рациональные, а не смысловые мотивы. Последние же и призваны давать ответ на вопрос, ради чего совершаются такие сексуальные посягательства, какие при этом решаются субъективные проблемы или задачи.

Выделенной нами потребности в доминировании соответствуют следующие мотивы изнасилований: 1) стремление удержать свой статус в неформальной группе (социально-психологический уровень реализации потребности); 2) преодоление психологического доминирования женщины; 3) утверждение себя в мужской роли. Во втором и третьем случаях происходит реализация потребности на индивидуальном уровне. Удовлетворение можно рассматривать как условие самоприятия, так как внутренне человек должен сам себя принимать и стремиться к самоприятию. Но насильник примет себя, если сможет сохранить прежний статус в неформальной группе или приобретет желаемое положение в ней, либо преодолеет психологическое доминирование женщины и сможет самоутвердиться в мужской роли. Поэтому условия самоприятия, решение определенных субъективных задач и выступают в предлагаемой типологии в качестве мотивов изнасилований.

Рассматриваемая потребность тесно связана с уровнем собственного достоинства, самоуважением, т.е. удовлетворение потребности доминирования является условием сохранения необходимой самооценки и даже ее повышения. За этим часто стоит стремление субъекта стать таким, каким ему хотелось бы себя видеть, но каким он в настоящий момент по своему внутреннему ощущению не является. Условием решения этой внутренней задачи и является реализация соответствующего мотива, решение определенной субъективной задачи путем совершения изнасилования, так как другого способа удовлетворения потребности ему не удалось найти.

Другой потребности насильников – в отреагировании – соответствуют мотивы: 1) отреагирования и тем самым субъективного уничтожения аффективных следов, возникших в связи с психотравмирующими

обстоятельствами детства (этим объясняются внезапные нападения на незнакомых женщин, обычно сопровождающиеся их жестоким избиением); 2) реализации психофизического напряжения (имеется в виду не только сексуальный аспект, но и не связанное с взаимоотношениями с женщинами внутреннее напряжение, обусловленное обстоятельствами иного характера, например чисто социальными); 3) мести, но, как правило, не к конкретной женщине, а к женскому полу вообще; 4) преодоления отвергания противоположным полом, реализация сексуальной потребности (здесь может иметь место и удовлетворение потребности сохранения и повышения ценности своего “Я”); 5) компенсации дефектов психосексуального развития, регрессивная мотивация.

На базе перечисленных мотивов были выделены отдельные типы насильников, например:

– “охотящийся”, внезапно нападающий на женщину по бессознательным мотивам психологического преодоления доминирования властной матери в детстве;

– “регрессивный”, совершающий изнасилования девочек-подростков 7-14 лет и тем самым возвращающийся в ту пору своего полового созревания, когда он от общения с ними получал глубокое удовлетворение. У таких лиц привычные контакты с женщинами обычно бывают затруднены;

– “конформный”, совершающий изнасилование под влиянием группы;

– “отвергаемый”, который составляют лица с умственной неполноценностью, с различными физическими и психическими недостатками, в силу чего они отвергаются женщинами;

– “пассивно-игровой”, совершающий изнасилование в связи с сексуально-провокационным поведением женщины и собственным неумением найти выход из создавшейся ситуации. Это лица с нарушениями межличностного восприятия и в то же время с высоким уровнем потребности в самоуважении, самопритии.

Среди всех насильственных преступников обращают на себя внимание те, которые совершают соответствующие действия из престижных мотивов, т.е. для того, чтобы занять в среде более высокое положение или закрепить нужное, т.е. желаемый социально-психологический статус, завоевать авторитет окружающих, быть все время на виду и т.д. Это часто сопровождается ущемлением интересов, чести и достоинства других, их подавлением. Такая мотивация характерна для лиц, совершающих грабежи, разбои, хулиганство и некоторые другие преступления, в том

числе убийства и изнасилования. Всех таких лиц можно объединить в один “престижный” тип. Между тем насильственные действия нередко допускаются и для того, чтобы утвердиться в собственных глазах, доказать самому себе, что “я смог” это сделать, и тем самым повысить самовосприятие. Подобные мотивы весьма характерны для преступников молодого возраста, причем если они совершают корыстно-насильственные преступления, соображения личного обогащения далеко не всегда являются ведущими. Подобных людей можно отнести к “самоутверждающемуся” типу. Но многие насильственные преступления учиняются ради завладения материальными благами, а бессознательный смысл таких действий во многих случаях состоит в попытке снятия тревоги или снижения ее уровня. Если мотивы тревожного характера не доминируют среди этих насильственных преступников, их можно назвать “корыстными”.

Очень распространенным типом насильственного преступника является “игровой”, т.е. такой, представители которого совершают противоправные поступки ради игры, участия в эмоционально насыщенных, острых ситуациях, даже опасных для жизни. Это не только несовершеннолетние, некоторые преступления которых напоминают игру в “казаков-разбойников” (“полицейских-воров”), но и многие серийные преступники, например, серийные сексуальные убийцы, вступающие в напряженную игру с правоохранительными органами. Это и авантюрные государственные деятели, и обычные уголовники, захватившие власть в стране, играющие тысячами жизней своих сограждан и жертвующие ими, и такие же военачальники.

Наконец, следует обратить внимание на тех очень опасных преступников, которые прибегают к насилию, чтобы снизить крайне высокий уровень своей тревожности, переходящей в страх смерти. К ним можно причислить и тех, кто “просто” влеком к смерти и одновременно просто страшится ее, кто видит в ней решение своих глобальных проблем, кто частично существует в смерти и не видит ничего страшного в том, чтобы отправлять туда еще кого-нибудь. Этот тип составляет грозную армию серийных и массовых убийц, к которым с полным правом можно отнести некрофильских вождей тоталитарных (Сталин) и тиранических (Иван Грозный) режимов, и палачей по призванию и профессии, и сексуальных маньяков-убийц. Этот тип можно назвать “крайне тревожным”, а самых опасных его представителей объединить в “некрофильский”.

Итак, среди насильственных преступников можно различать типы:

- “престижный”;
- “самоутверждающийся”;
- “корыстный”;
- “игровой”;
- “крайне тревожный” (“некрофильский”).

Их выделение носит условный характер, что, в частности, подчеркивается тем, что их названия взяты в кавычки. Могут быть выделены и другие типы. Возможно сложное переплетение черт различных типов в одном человеке. Так, достаточно часты комбинации особенностей “престижных” и “самоутверждающихся” типов, “самоутверждающихся” и “корыстных”.

Признание мотива очень важным типобразующим фактором, поскольку у него велики объяснительные потенции, не исключает других типологических схем. Большое распространение в криминологии получила типология по степени общественной опасности. При этом в качестве ведущего обстоятельства признается стойкая антиобщественная установка, что проявляется в длительном преступном поведении. Однако такой признак не является достаточным: нетрудно представить себе человека, который в нетрезвом состоянии периодически учиняет хулиганские действия, не представляющие большой общественной опасности. Думается, что нет оснований относить такое лицо к числу опасных преступников. Представляется, что в основу типологии нужно положить отношение преступника к главной ценности – человеческой жизни. В связи с этим можно выделить следующие типы.

1. “Абсолютно опасный” – его составляют преимущественно лица, которые описаны несколько выше в рамках “некрофильного” типа, т.е. лица, совершающие серийные и массовые убийства, в том числе главари тиранических и тоталитарных режимов, террористических организаций, банд, наемные убийцы и т.д.

2. “Особо опасный” – к нему в первую очередь относятся лица, которые совершают убийства при отягчающих обстоятельствах, за исключением перечисленных в рамках “абсолютно опасных”. Сюда могут быть включены и лица, которые осуществили смертельное посягательство в условиях конфликтной ситуации.

Среди преступников первого и второго типов многие уже привлекались к уголовной ответственности за преступления против личности.

3. “Опасный” – к этому типу можно причислить лиц, которые постоянно или время от времени совершают посягательства на здоровье, честь и достоинство человека, но не убивают.

4. “Незначительно опасный” – его представители агрессивны и совершают преступления против личности небольшой тяжести, либо непредумышленно, либо в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, под сильным влиянием психотравмирующей, аффектогенной ситуации.

Эта типология насильственных преступников ни в коем случае не является сугубо психологической, как, например, типология личности, разработанная Г.Айзенком (интраверт – стабильный, невротичный, экстраверт – стабильный, невротичный). Предлагаемая типология построена на таком важном признаке, как степень общественной опасности, т.е. в первую очередь на поведении, а не на собственно психологических чертах. Конечно, общественная опасность прямо связана с психологией человека, но это тем не менее не делает предлагаемую типологию психологической.

Несколько слов о так называемых “случайных” и “ситуативных” преступниках.

Проблема “случайного” преступника имеет давнюю историю в отечественной криминологии. Применительно ко всем лицам, совершившим преступления, о наличии такого типа писали Н.И.Озерецкий, Г.М.Миньковский, А.Б.Сахаров. “Случайному” преступнику посвятил свою в целом интересную монографию Ю.А.Голик. Однако в соответствующих работах отсутствуют психологические данные, подтверждающие возможность существования названного типа.

Конкретными эмпирическими исследованиями установлено, что никакой случайности в совершении преступлений, особенно насильственных, нет. Конкретный человек как бы предуготовлен к совершению именно этих действий в данной ситуации. Можно сколько угодно считать, что он мог бы этого и не делать, но тем не менее он это сделал. Это уже факт, а не предположение. То, что субъект ранее не допускал подобных поступков, ни о чем не говорит, поскольку он мог воздерживаться от них по разным причинам, например, из страха последствий или невыгодности их для него. Как правило, вывод о случайности обуславливается тем, что данная личность, в сущности, остается неизученной, не анализируется и не оцениваются ее глубинные свойства и влечения, ее ведущие бессознательные мотивы. Поэтому часто и для нее преступное поведение оказывается неожиданностью. Все выводы строятся на внешних наблюдениях.

Иначе обстоит дело с лицами, прибегающими к насилию в острых, эмоционально насыщенных ситуациях, например в случае их тяжкого оскорбления. Специальными исследованиями установлено, что по своим

психологическим качествам они попадают в жесткую внутреннюю зависимость от внешних обстоятельств и не могут из нее вырваться. Следует, однако, заметить, что агрессия отнюдь не является единственным выходом из сложной ситуации: в ответ на то же оскорбление, можно обратиться в суд или в милицию, воззвать к общественному мнению, просто проигнорировать его и т.д. Если же индивид прибегает к насилию, то значит, такое поведение определяется особенностями его личности. Следовательно, ситуативный преступник представляет собой человека, склонного к жесткой психологической зависимости от сложившейся ситуации.

В связи с рассматриваемыми проблемами уместно поставить вопрос о нормах чести, грубое нарушение которых может сделать жизнь человека совершенно невыносимой. История, в том числе история культуры, знает немало мучеников чести, чья гибель оказывалась подлинной трагедией для страны, нации, народа. Известно и то, что действия по защите чести в одних эпохах никак не наказывались и даже регулировались правом, а в других объявлялись преступными. Так, советская власть ни во что не ставила честь человека, каждый должен был чувствовать свою ничтожность и уязвимость, о защите собственными силами нельзя было и думать. Между тем общество и государство должны всемерно защищать честь и достоинство каждого, в том числе своими средствами. Никто не может рассчитывать на свою безнаказанность, оскорбляющий обязан знать, что в ответ он может быть подвергнут не меньшей, а даже большей агрессии, что оскорбленный вовсе не должен бежать в милицию за восстановлением справедливости, тем более что он ее скорее всего и не найдет. Мы, конечно, не ратуем за восстановление дуэлей, они ушли в прошлое, но считаем, что нужны специальные нормативные акты, защищающие человеческое достоинство, равно как и формирование соответствующего общественного мнения.

Поскольку среди насильственных преступников, прежде всего убийц, много лиц с расстройствами психики, их следует типологизировать. Ц.А.Голумб (7) предложил выделить три основных типа психически аномальных преступников.

1. Алкоголизованный. К нему могут быть отнесены индивиды, особенность которых обусловлена личностными изменениями на почве злоупотребления алкоголем (наркотиками). В первую очередь это хронические алкоголики (наркоманы) и лица, злоупотребляющие алкоголем (наркотиками), а также преступники, алкоголизация (наркоманизация) которых, развившись на фоне уже имеющихся нервно-психических рас-

стройств, определила изменения личности и поведения по алкогольному типу.

С учетом результатов последующих исследований представляется целесообразным выделить среди представителей этого типа три подтипа:

– лиц, чей психологический профиль определяется пиком по 5-й шкале методики многостороннего исследования личности (ММИЛ), т.е. пассивностью, низким уровнем агрессивности, а также эмотивностью, повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, ранимостью, постоянным ощущением своей незащищенности. Совокупность перечисленных качеств может приводить к насилию с их стороны, если какие-то ситуации воспринимаются ими как угрожающие;

– лиц, чей психологический профиль определяется пиком по 4-й шкале в сочетании с 8-й и 9-й шкалами ММИЛ. Они, иными словами, характеризуются очень высокой активностью, чрезмерным оптимизмом, не позволяющим адекватно определить возможности неблагоприятных последствий собственных действий. У них отсутствуют взвешивание и анализ различных вариантов своих действий, а возникшие побуждения непосредственно реализуются в поступках. Для таких преступников типичны выраженные влечения к аффективным переживаниям, стремление к риску, острым ощущениям и в то же время тенденция быть в центре внимания;

– лиц, чей психологический профиль характеризуется пиком по 7-й шкале ММИЛ. Они отличаются повышенной тревожностью, неуверенностью в себе, нерешительностью, чрезмерным контролем своих действий, повышенным чувством вины, болезненными переживаниями собственных ошибок и неудач. Из-за невысокого общего тонуса они постоянно находятся в состоянии внутреннего напряжения и неудовлетворенности.

2. Психопатизированный. Его могут составить лица, страдающие психопатиями, обнаруживающие резко выраженные психопатические черты характера и другие нервно-психические расстройства, на фоне которых развился стойкий психопатоподобный синдром (психопатизация личности). Поведение этих лиц является психопатическим или сходным с ним внешне. Криминогенность представителей данного типа носит универсальный характер.

Среди них особого внимания заслуживают следующие подгруппы:

– психопаты возбудимого типа, склонные к накоплению аффекта и его реализации в виде бурных, чаще кратковременных аффективно-эмоциональных разрядов, во время которых происходит интенсивная

концентрация таких аномальных характерологических особенностей, как возбудимость, взрывчатость, раздражительность, злобность;

– психопаты тормозимого типа, к основным чертам которых относятся повышенная эмотивность, чувствительность, ранимость в межличностных отношениях, неуверенность в себе, замкнутость, легкая истощаемость;

– психопаты истерического типа, которых отличают повышенная аффективность, неуравновешенность, демонстративность, склонность к самовзвинчиванию, стремление произвести впечатление, преобладание элементарных, грубых эмоций и в то же время сосредоточенность на личных переживаниях;

– психопаты параноидального типа, для которых характерны образование сверхценных идей, завышенная самооценка, эгоцентризм, педантичность, застревание на неприятных переживаниях, а также подозрительность, настороженность, зависть, ревность.

3. Интеллектуально ограниченный (умственно отсталый). Личностные особенности его представителей определяются умственным снижением, элементами слабоумия. В первую очередь это олигофрены и лица, у которых интеллектуальное снижение наступило вследствие различных органических поражений центральной нервной системы, а также преступники психически незрелые, инфантильные, у которых последствия органических поражений центральной нервной системы выражены незначительно и для которых большое значение в поведенческих девиациях приобретает социально-педагогическая запущенность. На их поведении сказываются отрицательный характер их социальных связей, высокая подверженность влиянию групп с антиобщественной ориентацией.

На наш взгляд, среди интеллектуально ограниченных насильственных преступников можно выделить подгруппы, если опираться на характер мотивации их преступного поведения. Соответствующую типологию предложил В.В.Горин:

– лица, у которых возникновение и реализация мотивов связаны с недостаточным осмыслением или игнорированием действующих социальных норм. Таких людей в выборке оказалось 3%;

– лица, у которых мотивы обусловлены повышенной внушаемостью и пассивной подчиняемостью. Эти суггестивные мотивы проявлялись во внутригрупповом взаимодействии. Подобных преступников в выборке оказалось около 40%;

– лица, у которых выявлялись ситуационно-импульсивные мотивы противоправного поведения. Условием возникновения таких мотивов

было нарушение опосредования удовлетворения потребностей. Среда в этих случаях являлась ведущим фактором, который побуждал поведение (около 15%);

– лица с аффективными мотивами преступных действий в ответ на острую психотравмирующую ситуацию на фоне эмоционального напряжения. В отличие от психически здоровых у лиц с дебильностью аффективные мотивы возникали не только в реальной психогенно-травмирующей ситуации, но и в обстановке, требовавшей правильного выбора решения. Аффективная разрядка была связана с нарушениями интеллектуального и волевого контроля (13%) (2, с.44-50).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Борьба с насильственной преступностью должна включать в себя:

I. Организационное обеспечение

Организационное обеспечение должно осуществляться не только по отдельным правоохранительным ведомствам, как это делается сейчас, но и по кардинальным проблемам предупреждения насильственной преступности, например, по профилактике насилия в семье, борьбе с наркоманией и наркотизмом, исполнению уголовных наказаний, связанных и не связанных с лишением свободы, и проблеме подготовки специалистов и т.д. В этих целях для каждой проблемы следует создать программу, включающую необходимые ресурсные расчеты.

II. Пересмотр системы характера наказаний и мер изоляции

1. Целесообразно инициировать отмену моратория на применение смертной казни. Это наказание должно применяться в отношении виновных в умышленных убийствах при отягчающих обстоятельствах, но только по соображениям справедливого возмездия в случае совершения наиболее тяжких преступлений.

Вопрос о применении смертной казни к рассматриваемой категории преступников неизбежно связан с общей проблемой существования этого наиболее сурового уголовного наказания. Разное отношение к этому виду наказания, его сущности, назначению, роли, связанные с ним практические предложения существуют с тех пор, как определенные поступки стали вызывать необходимость использования наиболее острых и даже беспощадных мер реагирования на их совершение. Одним словом, эта проблема существует с незапамятных времен, и поскольку она имеет

существенное политическое и правовое, а еще большее нравственное значение, то интерес к ней не утрачен и в настоящее время. Философы, писатели, политики, криминологи, социологи, юристы и другие деятели науки и культуры многократно выражали свое отношение, порой взаимоисключающее, к смертной казни. Постоянно совершенствуется уголовное законодательство, пересматриваются многие традиционные взгляды на цель, функции и виды наказания, сокращается число стран, в которых применяется смертная казнь, но она тем не менее существует, и никто не в состоянии предсказать, что этот вид наказания когда-нибудь исчезнет полностью.

Вопреки распространенному среди противников смертной казни мнению, что она неспособна кого-то утратить и тем самым удержать от совершения преступления, мы полагаем, что это не так. Страх перед подобной карой сохраняется у многих людей, он особенно действен при тотальных и неотвратимых репрессиях, например в условиях фашистского режима. В тех цивилизованных странах, где смертная казнь сохранилась, она применяется не для устрашения, а для удовлетворения общественного чувства справедливости. Лишать же жизни кого-либо, чтобы другим неповадно было, в высшей степени безнравственно. Это сродни расстрелу заложников.

В целом же, суммируя результаты многих исследований, данные практики и собственные наблюдения, можно прийти к однозначному выводу: нет никаких оснований говорить об особой криминологической значимости смертной казни, нет ни прямой, ни опосредованной зависимости между числом совершенных преступлений и исполнением данного наказания. Более того, ужесточение наказаний и расширение масштабов его применения решающего влияния на преступность не оказывают. Ее состояние и динамика зависят не столько от суровости санкций, сколько от общесоциальных факторов, порождающих преступность и индивидуальное преступное поведение, от эффективности исполнения наказаний. В странах, где смертная казнь отменена, уровень преступности, в том числе и насильственной, обычно не выше, чем там, где она сохраняется. Если такая суровая кара применяется за многие деяния, это всегда говорит о весьма слабых материальных и духовных возможностях общества успешно бороться с преступностью.

В настоящее время, как мы полагаем, наши представления о базовых человеческих ценностях, о справедливости, о должном воздаянии за содеянное не позволяют отказаться от подобной кары полностью, сохранив ее только для наказаний убийц, причем наиболее опасных. Очень

существенно в этой связи отметить, что многие из них своими кровавыми злодеяниями и проявляемой при этом вопиющей жестокостью сами ставят себя вне людей, вне жизни. Такие преступники, как Чикатило, Михасевич, Головкин, Кузнецов, чеченские бандиты и террористы, не должны оставаться среди людей только за то, что они сделали.

Следует отметить один весьма существенный факт: автор настоящей работы проводил долгие беседы с десятками серийных сексуальных убийц; последние, за редчайшими исключениями, не раскаивались в содеянном, были абсолютно равнодушны к загубленным ими людям и лишь на прямой вопрос о жертвах однозначно отвечали: “Да, конечно, их жалко”. И все! Главное, что их беспокоит, это как им выжить самим. Некоторые из них занимают активную наступательную позицию, пытаются выгородить себя, обвиняя других и приводя различные оправдывающие их обстоятельства. Мы уверены, что и по этой причине им нельзя оставлять жизнь.

Между тем государственная политика в отношении таких монстров характеризуется преобладающей тенденцией сохранения им жизни, что в большинстве случаев вызывает резкое несогласие. Общественность, как правило, ничего не знает о том, почему, на каких основаниях, с учетом каких обстоятельств смертная казнь самым опасным убийцам заменяется пожизненным лишением свободы или почему их наказали только пожизненно. При этом довольно часто вопрос о помиловании конкретного человека не решается месяцами, иногда годами, что нельзя расценить иначе, как жестокость к этому же человеку, хотя и виновному в самых тяжких, смертных грехах.

Мы полагаем, что должны быть выработаны более или менее четкие критерии при вынесении приговора наиболее опасному убийце, которыми могли бы руководствоваться и организации, решающие вопросы о помиловании, если преступник приговаривается к смертной казни. В число таких критериев можно включить: количество жертв, наличие среди них детей и подростков; совершение убийств с особой жестокостью; наличие психических патологий и расстройств полового влечения, ограничивающих возможности управления своим поведением; обращение лица за психиатрической и сексопатологической помощью, его реакции на предложения такой помощи, желание избавиться от патологических влечений – до совершения преступлений или даже в тот период, когда происходила серия убийств; привлечение в прошлом к уголовной ответственности за насильственные преступления.

2. Представляется необходимым внести следующие изменения в уголовный и уголовно-исполнительный законы:

– к наиболее опасным убийцам не должны применяться помилование и амнистия; они не могут освобождаться по болезни или условно досрочно;

– лица, приговоренные к пожизненному лишению свободы за насильственные преступления, не могут быть освобождены из исправительных учреждений по амнистии, в связи с помилованием, по болезни или условно досрочно ранее, чем через 25 лет после взятия под стражу;

– если лицо привлекается за совершение насильственного преступления, отнесенного законом к категории тяжкого или категории особо тяжкого, а до этого уже трижды наказывалось за такие же преступления, то независимо от снятия или погашения судимости оно должно осуждаться к пожизненному лишению свободы;

– лица, осужденные за насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за любые сексуальные преступления на определенный срок, могут освобождаться досрочно, по амнистии или в связи с помилованием только на основании заключения комплексной комиссии с обязательным участием в ней психиатра и психолога;

– лица, совершившие действия, формально подпадающие под признаки особо тяжкого насильственного преступления, но признанные невменяемыми, должны пожизненно помещаться в психиатрический стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Лица, которые не менее двух раз были признаны невменяемыми и направлялись в психиатрический стационар (любого вида режима) за учинение общественно опасных насильственных действий, и вновь совершившие такие действия, должны пожизненно помещаться в психиатрический стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением. Освобождение из психиатрического стационара специализированного типа с интенсивным наблюдением, перевод в психиатрический стационар с иным режимом возможно лишь на основании решения комиссии в составе не менее трех психиатров и при обязательном их единодушном заключении.

Таким образом, мы призываем к пересмотру нашего отношения к психически больным, если они совершают общественно опасные поступки. Мы должны надежно защитить людей от агрессивных посягательств таких лиц, при этом, конечно, признаем настоятельную необходимость самого гуманного обращения с подобными больными, но только при условии их строгой изоляции.

Осужденные, у которых были выявлены психические аномалии (в пределах вменяемости), в местах лишения свободы должны в обязательном порядке проходить лечение. Отказ лечиться является основанием для применения дисциплинарных мер и обязательно должен учитываться при решении вопроса о помиловании или амнистии, а также при предоставлении каких-либо льгот.

Лицо, осужденное на насильственное тяжкое и особо тяжкое преступление, а также за любое сексуальное преступление, после отбытия наказания должно ставиться на учет в милиции по месту жительства на срок 10 лет, а в случае повышенной агрессивности – без ограничения во времени.

III. Социальные программы профилактики насилия

1. Любые социальные программы профилактики насилия в России должны строиться с учетом того, что ее состояние в первую очередь определяется очень высоким уровнем тревожности и неуверенности людей, их депрессивными психотравмирующими переживаниями как реакции на те изменения в жизни, которые субъективно воспринимаются в качестве весьма неблагоприятных. Насилие выступает средством защиты и утверждения, поэтому общество должно предлагать иные средства в достаточном объеме и разнообразии.

2. Первоочередной задачей представляется оказание комплексной помощи, в том числе при проведении инспекторских проверок, регионам, где наблюдается наихудшее положение с преступным насилием. Это предполагает создание специальных для них программ социальной и материальной поддержки, воспитательно-педагогических, психологических, организационных, правоохранительных и иных мероприятий.

3. К уже имеющимся социальным программам борьбы с отдельными видами преступности (например, с наркотиками и наркоманией) следует, прежде всего, добавить социальные программы предупреждения насилия в семье, в школе, среди несовершеннолетних в целом.

4. Необходима общегосударственная федеральная программа борьбы с насилием в обществе. Ее субъектами должны быть все органы законодательной и исполнительной власти, общественные и церковные организации, средства массовой информации и др.

Желательно создать постоянно действующие проекты и планы выступлений (передач, публикаций) в средствах массовой информации, посвященных насилию и его предупреждению.

Несмотря на исключительную актуальность проблем насилия для России, они все-таки сравнительно редко становятся объектом научного исследования. Наибольший интерес к ним проявляют криминология и уголовное право. Однако первая ограничивается поиском причин отдельных видов насильственных преступлений и преимущественно на социальном уровне, не ставя вопросы максимально широко. Исследования насилия в науке уголовного права носят догматический и, так сказать, технический характер, что, разумеется, ни в коем случае не вызывает осуждения: такой подход для этой науки вполне закономерен и адекватен. Эмпирическая база наиболее представительна в криминологических изысканиях.

Большой широтой отмечаются исследования в социологии и философии, но там объект изучения достаточно абстрактен, эмпирическая база ограничена данными сплошной и выборочной статистики. Отсюда умозрительность многих заключений и выводов, что особенно характерно для философии. Эти недостатки не свойственны психологии, однако психологические изыскания неизбежно минуют широкий социальный уровень. Внимание же психиатров сосредоточено, естественно, на медицинских проблемах.

Вот почему так необходимы комплексные научные исследования насилия, которые включали бы в себя философский, социологический, психологический, психиатрический, криминологический, правовой и иной аспекты. Только такой подход может быть продуктивен для науки и практики борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: Причины и предупреждение. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 192 с.
2. Антонян Ю.М., Горинов В.В., Саблина Л.С. Преступники с умственной отсталостью. – М.: ВНИИ МВД России, 1992. – 99 с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Прогресс, 1992. – 527 с.
4. Бердяев Н.А. Эрос и личность: Философия пола и любви. – М.: Прометей, 1989. – 158 с.
5. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1980. – 421 с.
6. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 1999. – 351 с.
7. Голумб Ц.А. Типология и классификация насильственных преступников с психическими аномалиями: Совершенствование юридических механизмов борьбы с преступностью. – Владивосток, 1976. – 201 с.
8. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2000. – 231 с.
9. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социально-политический анализ. – М.: РОС-СПЭН, 2000. – 328 с.
10. Дриль Д. Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды). – СПб.: Конторович, 1895. – 233 с.
11. Криминология: Учебник. – М.: Юрист, 1999. – 678 с.
12. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 192 с.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Изд-во полит. лит., 1977. – 304 с.
14. Лоренц К. Агрессия (так называемое “зло”). – М.: Универс., 1994. – 270 с.
15. Московичи С. Век толпы. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
16. Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. – Л.: Гос. изд., 1926. – 255 с.
17. Самовичев Е.Г. К психологической характеристике подростков, виновных в совершении убийств // Совершенствование деятельности органов внутренних дел по предупре-

ждению правонарушений среди несовершеннолетних. – М., 1988. – С.46-51.

18. Соловьев В.С. Сочинения. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – 824 с.
19. Стерн В. Грех против будущего. – М.: Междунар. тюремная реформа, 2000. – 240 с.
20. Стецовский Ю. История советских репрессий. – М.: Гласность, 1997. – Т. 1. – 599 с.
21. Ферри Э. Преступные типы в искусстве и литературе. – СПб: Коренев и К., 1908. – 175 с.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.